

Фрейлина
ПРЕДОТВРАТИТЬ

Тамара Шатохина

Тамара Шатохина

Фрейлина. Предотвратить

<https://litres.ru/74383879>

Аннотация

Книга 2 Что будет, если женщина-историк вдруг окажется в ином времени и рядом с людьми, жизнь которых изучена ею, казалось бы, до мелочей? В истории России было несколько поворотных моментов, но попытаться предотвратить Таисия может только один, который случится уже скоро. А нужно успеть так много - выжить, родить, любить... Но главное - НЕ ДОПУСТИТЬ! Вюртемберг, Санкт-Петербург, Крым... середина XIX века. Это вторая книга. Первая - "Фрейлина. Выжить" она бесплатная.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	75
Глава 7	87
Глава 8	98
Глава 9	109
Глава 10	121
Глава 11	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Глава 1

Отчаяние! И паника. Только это и толкнуло петь – он уходил, просто уходил...

Совершенно ровный, вежливый и спокойный. Может, уже разочарованный. Вчера то ли не показал этого, то ли еще не полностью осознал услышанное. А теперь - уже?..

И не обида... да с чего? Стыд свой я помнила - не за себя, ну и что? Стыдно, значит есть чего стыдиться. Вежливая отстраненность - еще по-божески, могло быть и презрение. Время сейчас другое.

Чего-то такого я сразу и ожидала, когда рубила правду-матку. Сейчас пережить его разочарование будет труднее и намного. Но все происходит логично, а значит правильно, я и раньше общих планов не строила и переживала сейчас не за себя.

Да у меня буквально взвыло внутри - всё в топку! Такое мгновенное и отчетливое понимание - всё, чего я так стара-

лась и смогла добиться на этот момент, обнулялось буквально на глазах. Не вышло, не получилось...

В той войне, по оценкам историков, ушло сто пятьдесят три тысячи живых душ – наших мужчин, русских. Убитых и умерших от ран пятьдесят одна тысяча, остальные скончались от болезней – как и всегда в войну, в окопах свирепствовал тиф. После окончания Наполеоновских войн Крымская стала самым кровавым военным столкновением XIX столетия.

- Таис, разрешите? – мягко разогнул мои пальцы, прикипевшие к кортику, Фредерик: - Прощайтесь, мы уходим.

Плутавшее еще где-то в строках ромansa сознание мило-стиво подарило отстраненность восприятия. Я спокойно и вежливо выслушивала похвалы. Обещала текст стихов, улыбалась, благодарила, вежливо прощалась...

По дороге к домику, слегка поддерживая меня под руку, Фредерик говорил:

- У меня есть способности к языкам. На этот момент знаю почти все основные европейские. Русский самый сложный из них, но и изучать его я начал уже, как полгода – после сговора Его высочества и Великой русской княжны. Надеюсь, что уже неплохо понимаю вашу речь, хотя изъясняюсь на ней, вероятно, ужасно забавно. Но вы же понимаете? Необходима практика.

- Вы хотите практики, разговоров на русском? – удивилась я.

- Не откажусь. Но к чему я завел этот разговор? Я услышал вас, Таис. Я вас услышал и понял. Присоединяюсь к прочим похвалам, но... - чуть замялся он, будто опасаясь ляпнуть что-то не то: - Предлагаю воспользоваться услугами учителя пения – при данном природой голосе и небольшом усилии с вашей стороны, оно может стать безупречным.

- Пожалуй... лишним не будет, но еще больше хотелось бы научиться игре на гитаре, – реально оценивала я свои способности к игре на музыкальных инструментах: - На испанской гитаре.

- Уверен – и это возможно, - поцеловав мне руку, он оставил меня у крыльца...

Ирма задула свечу, оставляя в темноте, и я шмыгнула носом, зарываясь в подушку.

Ужасно жаль было расставаться – с безупречной горничной-надзирателем и привычными стенами, даже странной этой кроватью, взобраться на которую так проблемно.

День накануне моей свадьбы оказался крайне неудачным, чтобы загадывать желания – не получилось занять титулованного братца, и не принял мое предложение Илья Ильич. У Петра Пантелеймоновича, по словам Ольги, на руках оказались престарелая мать и сестра на выданьи.

Об этом знала она, но почему-то не удосужилась узнать я. И в этом примере, пожалуй, видна вся разница между нами. Я привычно жила своими проблемами и интересами, она же всегда была предельно внимательна к людям и даже сейчас,

в непростое для себя время, переживала о судьбе школы для девочек, которую сама основала и патронировала.

Я долго и беспокойно ворочалась - не засыпалось...

Психика, взбудораженная эмоциями, всё подбрасывала не самую последнюю их причину - в памяти всплывали отдельные отрывки романа. И строки стихотворения, выжимкой из которого он стал - написанные самой любовью.

Она бывает разной - кто не знает? Земной, простой и естественной, как дыхание. Или возвышенной, почти святой. Или несбывшейся, как у меня... или истекающей кровью, как у той же Маргариты Тучковой.

«Ах, на гравюре полустертой...»

С юности Цветаева была влюблена в портрет и образ Александра Тучкова, молодого генерал-майора, погибшего в Бородинском сражении. Пленена красотой и подвигами того, кто мог бы жить еще очень долго и ярко, но погиб так рано.

Сейчас я очень понимала ее – здесь время другое и мужчины тоже. Тоже очень разные – это понятно, но почти все будто немного из сказки: прекрасно танцующие, умеющие изъясняться грамотно и красиво, галантные, романтичные, блестящие, бесконечно элегантные в идеально подогнанной военной форме. И тонко чувствующие, что так важно и чего отчаянно не хватает в то - наше время.

Может это и не самые обязательные качества. И сути личности они не составляют – внешний блеск в основном, но

именно он придает особое очарование этому времени. Как и юная Цветаева, я давно уже с головой в нем, но особенно глубоко прониклась сейчас... романтикой прямых красивых слов, бальных залов, офицерских эполет и парусов на горизонте...

Долгие годы она хранила маленький портрет Тучкова, не расставаясь с ним. А стихи были написаны позже – вдохновленные земной любовью к мужу Сергею Эфрону, белому офицеру, расстрелянному потом в тюрьме... и любовью возвышенной и идеальной – к герою и красавцу Тучкову. Такой получился... своеобразный поэтический памятник.

Уснула я под утро, стараясь не углубляться в мысли об отстраненном поведении Кости. Пускай потом, на свежую голову. Хотелось верить ему, я могла ошибаться. А лучше бы нет – только осложняю ему жизнь. И, в конце концов - он просто не мог вести себя иначе на людях! И кортик же... сжимала я под подушкой гладкую рукоять слоновой кости...

День опять намечался пасмурным, начинаясь туманом – густым, как хороший кисель. Нижнего парка, расположенного всего в нескольких метрах ниже по склону, почти совсем не было видно – только верхушки самых высоких деревьев.

- О-о-о.. - сложив ладони рупором, крикнула я в ту сторону, и звук тут же потерялся в тумане, угас. Физика...

Расцеловав Ирму и обняв Илью Ильича на прощанье, я еще раз осмотрелась, вспоминая – вроде ничего не забыла. Документы у мужа, деньги тоже, вещи, нужные в дороге,

привязаны к задку экипажа или спрятаны под крышками сидений.

С маменькой и Мишей простились еще вчера – я просила ее не приходить утром. Еще одной порции совместных рыданий просто не перенесла бы. И так с трудом собрала себя перед приемом - и внутренне, и внешне.

Кучер помог подняться в несуразную дорожную карету. Или лучше сказать – экипаж? К изящному названию он не имел никакого отношения. Такая себе коробка на колесах, широкая и на мягких рессорах, устойчивая и просторная. Два дивана напротив друг друга выглядели удобными, но были не слишком длинными - полностью выпрямить ноги вряд ли получится, Фредерику точно – он выше.

Присев на мягкое сиденье, я расправила платье – домашнее, без корсета и взглянула на кучера. Едем?

Дверка захлопнулась и коробка тронулась с места, чуть дернувшись назад и мягко качнувшись потом вперед. Я ловила ощущения – нормально... положила под бок подушку, поставила ноги на скамеечку – просто отлично.

Узнавалась сквозь белую пелену и проплывала мимо плитка Дворцовой площади. Поймав себя на том, что ловлю воспоминания, связанные с этим местом – провожание Сережи Загорянского, Анни... я прикрыла глаза – хватит уже. Пускай уже будет что-то новое. Нужно наводить прочные семейные мосты с Фредериком, постараться убрать из общения эту его официальную отстраненность. Будем шлифовать

его русский, расспрошу заодно о родных и доме... любопытство штука нужная. И отвлекающая.

Удивило, когда при следующей остановке в карету сел не муж, а Дарья - Даша, как звала ее маменька. Сухая невысокая женщина лет сорока, сложением своим похожая на меня ту.

Когда горничная уселась напротив меня, к нам заглянул и муж, собственно. В штатской одежде, но при галстук-банте – даже в дорогу. Привычка уже, наверное.

- Доброго дня, Таис, как вам экипаж? Я выбирал из лучшего.

- А где будете ехать вы? – растерянno поинтересовалась я.

- У меня своя небольшая карета. Давно уже легко сплю в любом положении - сидя и даже стоя, - первый раз уловила я в его словах что-то вроде юмора.

- Завидую тогда по-хорошему, - улыбнулась в ответ, - но вы же не оставите меня совсем?

- Наносить визиты, с вашего позволения, буду обязательно, - чуть склонил он голову, дрогнув завитыми бровями.

- Жду в любое время, Фредерик.

Какое-то время мы ближе познакомились с Дашей. Маменька дала ей вольную. И немало помещиков, кстати, так делали – давали вольные крепостным. Правда, воля Елизаветы Якововны на всех не распространилась, но, судя по спокойному и даже свободному отношению ко мне Дарьи, в своих владениях маменька не тиранствовала.

Путешествия в дорожных экипажах здесь давно уже бы-

ли делом обыденным и изученным. Как и в наших поездах – все знают, что брать в дорогу, чтобы переодеться и поесть, знают где будут спать. Муж сделал все, чтобы я чувствовала себя комфортно. И просто обязанность это для него или настоящая человеческая забота... в любом случае, я была благодарна и надеялась с удовольствием и комфортом доехать до места назначения. Но не тут-то было...

И дело не в дороге, не в ее качестве.

К этому времени уже исправно функционировало испытанное временем всепогодное шоссе Москва-Петербург. Построенное хитрым фашинным способом и даже мощеное камнем, оно давало возможность пустить регулярное движение пассажирских дилижансов. Они доезжали от одной столицы до другой за каких-то четверо суток.

Четверо суток...

Я стала сдыхать в первый же день - та самая морская болезнь. Оказалось, ее симптомы распространяются на любую качку, если вестибулярный аппарат слабый. Или ты беременна.

Чуть легче было, когда я лежала – на чистых простынях и в одной только сорочке с капотом. Панталоны тоже были исключены – с какого-то... слишком быстро стала собираться моча. Раньше я думала так бывает, когда на мочевой давит ребенок, а нет – прилежно ссыкала я каждые два часа. И тошнота... настежь открыть обе дверки моя прислуга категорически отказалась:

- Протянет да заперхаете еще, барышня, ко всему прочему.

- Лето блин на дворе! – вызверилась измотанная рвотными спазмами я.

- Так жирного вам, барышня, тоже нежелательно бы. На ближней станции кислого добуду, авось и полегчает. Погодите немного с блинами.

Ирма выглядела бы рядом с новой горничной просто ангелом, хотя тоже особо со мной не церемонилась. Но Даша... хотя, наверное, мне и нужно было, чтобы кто-то взял на себя всю суету и хлопоты, связанные с моим состоянием. Всю ответственность.

Легчало вечером и ночами – мы останавливались на ночлег в придорожных гостиницах. Дарья обязательно обследовала комнаты мои и мужа на предмет постельных паразитов и ворчала:

- Почесухи еще не хватало да горячки пятнистой, чего доброго...

Пока она разбирала необходимые вещи и стелила свое постельное, Фредерик выгуливал меня перед сном. Мы немножго говорили с ним – на русском. Это смешило и отвлекало от не самого хорошего самочувствия и от странных его взглядов. То ли жалостливых, то ли сожалеющих.

- Возможности взять малое пассажирское судно не было... путь по Тихвинскому водному пути легче и быстрее в разы – морская качка не присуща каналам. Но и эта дорога, а

далее Можайский тракт наиболее устроены и благоприятны для передвижения. Мы будем делать частые остановки... по первому же вашему требованию, Таис.

До такой степени я не наглела, понимая, что все равно заданное расстояние придется преодолеть. Можайский тракт, а раньше - Старая Смоленская дорога, соединяющая Москву со Смоленском, действительно была кратчайшим путем на запад. Со Смоленска шел уже прямой путь в Западную Европу.

В Москве мы пробыли два дня. Я ожила за это время. Да и то, чем пичкала меня в дороге Дарья, облегчало страдания – иначе то, что я чувствовала, назвать было нельзя.

Зато я забыла думать о чем-то еще, душевные переживания сами собой ушли на второй план - я всерьез переживала о своем здоровье. Но не так о ребенке... Что-то еще не сошлось в голове, не состыковалось и единения с ним, ожидания его... я пока не чувствовала. Вопрос времени, скорее всего. А пока возможный выкидыш больше пугал последствиями - на грамотную чистку в случае чего надеяться не приходилось.

В пригороде Москвы я увидела только ее пригород – весь день проводила в саду, под вишневыми деревьями. Ягоды уже созрели - кислые, они здорово помогали от тошноты. Жадно заглотив горсть мытой вишни, я уже способна была нормально поесть. Два дня прогуливалась и отъедалась – появился аппетит.

Дальнейшую дорогу представляла с ужасом и тут же благодарила Смольный – все-таки будь я барышней изнеженной и домашней... и хрен знает как бы все обернулось - может еще хуже. И материться я тоже уже готова была – моментами. Не делала этого не потому, что стыдно... просто теми самыми моментами сил уже не было, а эмоции их тоже потребляют.

Погано мне стало сразу, как выехали из Москвы. Еще терпела, пока проехали Можайск, но к вечеру просила Дашу добить меня – так быстрее, сама сдыхать буду долго и мучительно.

Хмурый Фредерик, наверное, сто раз уже проклял себя за то, что согласился на сомнительную аферу со взаимовыручкой. И я отлично его понимала, стараясь доставать как можно меньше. Но предобморочное состояние, когда гложешь и тускнеет зрение - это серьезно. Не помогала уже ни кислая вишня, ни малосольные огурцы.

- Езжайте, Фредерик, вы спешите домой. Я все понимаю. А мы будем передвигаться с частыми остановками. Дорога здесь безопасна.

Я уже всерьез боялась, что он меня возненавидит, а этого сейчас нельзя... это меня совсем добило бы. Вот в такие годовые моменты жизни особенно важно чувствовать поддержку, но... Подобные загоны еще прощаются настоящим женам, вынашивающим настоящих – своих детей. Терпеть проблемную бабу с чужим приплодом ни один мужик не обязан.

Но услышала я неожиданное:

- Спешка больше не имеет значения, мы можем ехать хоть и все лето.

- Тьфу меня, тьфу... - реагировала я растерянно. Все лето ехать? Не приведи, Господи! А чего ж так сорвались тогда из Петергофа?

- Вы неплохо чувствовали себя в Москве, здоровья после этого хватило на один дневной переход, – отстраненно рассуждал муж, - что же... значит – два дня отдыха и день пути. Таким образом вы успеете восстановить силы.

- Вы святой, наверное, - пробормотала я. Начинать уже молиться на него, что ли?

Не обращая внимания на мои слова, он медленно протянул, вспоминая:

- Кстати о святости - на пути сюда... кажется где-то в этих местах я помню монастырь.

Я вспомнила вместе с ним, уступив буквально секунды: музей-заповедник «Бородинское поле», а сейчас, в это время...

- Спасо-Бородинский! – с мистическим ужасом смотрела я на Фредерика.

В голове быстро щелкали даты и цифры, не желая гадство складываться во что-то конкретное и точное. Я не знала, не уверена была! Да и не обязана была знать все об этой эпохе. Даты рождения и смерти – точно.

- Что такое, Таис? – не понимал Фредерик, - вас смущает

возможность остановиться в обители?

Мы сидели на ковре в траве, порядочно отойдя от тракта, чтобы не глотать его пыль. Даже вечером здесь было оживленно – еще не так далеко от Москвы. Почтовые и пассажирские экипажи, всадники, отдельные телеги, обозы...

Оба кучера прилегли прямо на траву. Вымотавшаяся со мной за день Даша улеглась на свое место в экипаже и... храпела. Выбор маменьки я не совсем понимала – особых умений горничной, которые я уже знала по Ирме, в ней не наблюдалось. Простая женщина... предельно простая. Деловая правда и будто надежная.

Выпив кипяченой воды из фляги, я помолчала, покусывая губу.

- Мужчин обычно раздражают истории любви, больше похожие на сказки.

- Напрасно вы так считаете, - откинулся муж на ковер и поправил подушечку под головой: - Я готов услышать.

- Тогда постараюсь коротко, - смотрела я на предзакатное небо. Вокруг притихла небольшая березовая роща. Наверное, мне просто нужно было выговориться, с кем-то разделить...

- Есть старинный дворянский воинский род – Тучковы. В семье, о которой я сейчас расскажу, было пятеро сыновей. Все пятеро стали генералами и героями многочисленных войн – тогда Россия воевала почти непрерывно. И в армии... вы знаете, наверное - для краткости принято называть

офицеров по фамилии, а для однофамильцев или родственников добавляли порядковый номер. Я расскажу о Тучков-четвертом – Александре.

- Таковая фамилия мне неизвестна, - отметил Фредерик.

- Его нет давно, - прошептала я, - погиб в сражении у Бородино, как и его брат Тучков-первый. Мать ослепла с горя... Он шел в атаку, картечь попала в грудь. И каким-то чудом снаряды одновременно взорвались на месте его гибели так, что тело генерала оказалось похоронено под толстым слоем земли. То есть... тело не смогли вынести. Когда французы оставили Москву, жена искала его – ей указали примерное место гибели.

Несколько суток она тенью ходила по полю среди десятков тысяч разлагающихся, изъеденных птицами и животными тел. Тело Тучкова им не досталось, но и Маргарита его не нашла.

У них удивительная предыстория на самом деле. Он четыре года добивался ее руки, а она ждала его... но вот вам урывок из их истории – эта женщина потом служила и ходила в походы вместе с мужем, имея на это письменное разрешение императора. «Кто я таков, чтобы становиться меж их любовью...» Переодетая ординарцем, она облегчала мужу военный быт, как могла. Помогала во время сражений раненым. Ее боготворили в войсках! А еще она знала, что потеряет своего Сашу при Бородино – сон был... Они с мужем долго искали название на карте – у нас, во Франции, Польше... Но

маленькое Бородино стало известным гораздо позже.

- Это все о них? – привстал Фредерик.

- Если бы... В тот раз она была не с ним, потому что уже был ребенок – сын. Спасо-Бородинский монастырь построен на месте гибели мужа на ее деньги... нет – что-то добавил император, но она отдала все, что имела и жила здесь в маленьком домике вместе с сыном. Он подрос, поступил в военное училище, приехал к матери... заболел скарлатиной и умер у нее на руках. Похоронен в часовне здесь же. Маргарита Михайловна стала монахиней, а потом и настоятельницей обители под именем Марии. Окрестные села и монастырские насельницы молились на нее, как и войска когда-то. Любовь из нее никуда не делась... Я не знаю – жива она еще или нет. Мы с вами – туда?

- Если вам это трудно...

- Романс, который вы слышали, посвящен Тучкову-четвертому, меня пугает совпадение, - честно призналась я, - он и сам по себе потрясение для меня, и если она еще жива, то это будет трудно. Прикасаться к настолько великому горю, думаю, всегда трудно, хотя мне еще не приходилось. Но я осознаю его величие, а еще у меня есть способность к сопереживанию. И развитое воображение к тому же. Наблюдать чужое страдание и знать, что ничем не можешь помочь... - покачала я головой.

- Дайте руку, - встал Фредерик, - я помогу вам встать, нам пора. И нет выбора – в окрестности это единственное место,

где предоставят удобный ночлег. К тому же... двенадцатый год? Скорее всего, она не дожила до наших дней. А если дожила, то уже давно утешилась добрыми делами.

- Не знаю...

Я ждала в экипаже, пока муж ходил договариваться о постое. Даша вышла, а я сидела внутри, чувствуя себя не в своей тарелке. Хотелось уехать, я бы лучше уехала.

- Барышня, выходите уже! Хозяин идут.

Я нехотя выглянула. Уже темнело, но все еще было видно - к экипажу подходил Фредерик и худая высокая женщина с посохом в руке и в монашеском уборе. И была она краше, чем в юности... сейчас она была еще прекраснее.

Посох когда-то вручил ей юродивый, подскочив к их с Тучковым свадебной коляске: - Прими!

- Ну что это вы, голубушка, никак плачете? Настолько устали или неможется? У нас есть знатные травницы, уверена - они помогут.

- Благодарю за заботу, Маргарита Михайловна...

Глава 2

Терпеть не могу мистику.

Полностью признаю ее существование, поэтому и не люблю. Ненавижу – будет слишком, пожалуй. Понятно, что она или будет объяснена когда-нибудь новыми направлениями физики... или является частью естественных природных процессов. Пока же для меня она существует больше "к сожалению".

Но то, что существует – так или иначе, имеет право на существование. Вот только воспринимается эта штука всегда на удивление тяжело.

Там еще... в той жизни с некоторых пор я не любила Обводный. Не ни с того, ни с сего, а заглянув в очередной раз на тот же питерский форум любителей истории. Впечатлило. Но я же дотошная, упрямая, а где-то и нудная... покопалась сама и выходило, что правда – было дело.

В 1923 году советские рабочие прокладывали теплотрассу

в районе Обводного канала и наткнулись на круглое сооружение из гранитных плит. Поверхность очистили от глины и увидели загадочные символы. Сдвинуть плиты удалось с огромным трудом и под ними нашлись человеческие кости.

На место прибыл городской археолог, мельком осмотрел находку и вынес вердикт: захоронение 11-13 веков, уникально сохранившееся и представляющее ценность.

Но понятие исторической ценности в молодом Советском союзе было крайне размыто. Газеты призвали не обращать внимания на хлам прошлого, из гранитных плит напилили поребрики, а останки отправились на свалку.

И началось... в том же 23-м вблизи места находки покончили с собой 89 человек, в 33-м — 107, в 43-м — 150 человек. Получается, эпидемия суицида на Обводном случалась каждый третий год нового десятилетия. Объяснений этому не было и нет, так что ожидаемо появились легенды... Что там было на самом деле, непонятно, но вблизи Обводного и дальше случались страшные преступления. Людей охватывала неведомая ярость и на допросах у следователей они просто не могли объяснить причины своих поступков.

Меня пробрало. Чего-чего, а навоображать себе я способна и очень многое. И Обводный навсегда утратил для меня свою прелесть тем более, что как раз в последнее время трагические случаи на нем возобновились. Это пример мистики такой... скорее статистический.

Но и в таких ее проявлениях, как явление призраков в

дворцовых залах и на музейной территории, сомневаться тоже не приходилось. Я верила коллегам, да и было дело, когда свидетельствовали они коллективно.

Поэтому в разного рода мистику я верила и продолжаю это делать.

И иначе, чем мистическим, такое вот совпадение считать просто не могла - романс, который душу буквально вынул... пускай переживания были не столько из-за него. И сразу же встреча с женщиной, напрямую с ним связанной?

Я растерялась и не знала, как себя вести. Петь гимны ее любви и самоотверженности... читать стихи о ее муже... сказать, что в него еще не одно столетие продолжат влюбляться женщины? Все это было бы очень от души и искренне, но... и в тот раз ей помогла выжить, опять же - только мистика, частично подготовившая психику к потерям: вещий сон, юродивый с его посохом. И в этом хоть смысл был. В нашей же с ней встрече?..

Все два дня я осторожно сторонилась ее – опасалась. Это было глупо и боялась я, конечно, не ее, а того, что вот возьмет она... и начнет вдруг пророчествовать по закону жанра. Я и оскорбляла ее такими мыслями и сразу возвышала до святости, вполне себе допуская такой вариант. Но не хотелось, почему-то очень сильно не хотелось...

И не случилось, к огромной моей радости.

Кроме насельников гостевого дома, Маргарите Михайловне было чем заняться: монастырь, церковные службы,

детская школа, приют, хозяйство, дела окрестных сел – во всем она принимала участие.

Мы с Фредериком жили в разных комнатах – чистых и скромных, но эти два дня провели вместе – ему просто некуда было деться. Мы много говорили – я в основном. Более подробно рассказала о семье Тучковых, об остальных братьях, в том числе участнике восстания декабристов. Когда Николай I прибыл на открытие памятника героям Бородино и спросил о нуждах, Маргарита просила его об одном – помиловать брата, но...

- Бунты, мятежи... прощения им нет, - отрезал Фредерик.

- Николай Павлович и сам был воспитан в чрезмерной строгости, поэтому и его понимание допустимого... Со многим я не согласна, но человек он справедливый и миловал, Фредерик, миловал очень многих. Одно для него не прощаемо в принципе – посягательство на семью. А у декабристов были планы истребить ее всю – жену и детей в том числе. Исполнителей сразу уничтожить, опорочив и обвинив в убийствах и устроить власть демократическую, подобную той, что была в революционной Франции.

Подобные темы я больше не поднимала, заметив, что Фредерик мягко, но категорично уходит от разговоров о политике. Прямо меня не осаживая, но давая понять всем своим видом – это не то, что должно интересовать слабый пол. Я уступила и на разговоры о политике его больше не выводила.

Почти весь первый день мы просидели в саду... а здесь

высажен был не просто сад, а роскошный кустарниковый парк с сиренями, жасминами, шиповниками - что-то еще цвело, что-то зеленело. Вишни, опять же...

Потом я почувствовала, что хочу и уже могу двигаться, и мы много гуляли, ходили.

При монастыре была баня, там я последний раз в этой дороге мылась полностью.

Мы с Дашей отстояли все службы в храме, которые застали, и я молилась о Тучкове-четвертом – шепотом, вслух, чтобы он слышал меня. Маргарита Михайловна упоминала как-то, что всегда чувствует его рядом с собой. Почему нет? Может он действительно ожидал ее здесь, а не где-нибудь... там.

Простая еда, травяные отвары со вкусом и запахом сена, прогулки и крепкий сон помогли – я готова была ехать дальше уже понимая, что жалась к Фредерику и сторонилась матушки Марии зря. Мистики не случилось, наоборот – вполне себе жизненно она отчитала меня, как старший младшего. Мягко, но отчитала.

Провожая нас, как провожала всех постояльцев, если позволяло здоровье, она спросила, отведя меня чуть в сторонку:

- Вы не готовы стать матерью, Таисия Алексеевна, или все не желали этого ребенка?

- А с чего вы сделали такие... странные выводы, Маргарита Михайловна? – не поняла я. И даже будто огрызнуться потянуло, но хватило ума промолчать.

- Ходите вы не так, - печально вздохнула она, не глядя на меня: - Не вслушиваясь в себя. Оттого может и худо вам, что любви к себе дитя ваше не чувствует. А травки пейте... Даша ваша изрядно в них разбирается, даже наших умелиц в лазарете чему-то поучила — я спокойна за вас. Прислушивайтесь к ней.

- Благодарю вас, - проямлила я, - благословите в дорогу, матушка.

Благословив меня, мужа и перекрестив повозки, она кивнула, постояла еще, улыбаясь... а потом прямо взглянула на меня и зачем-то поделилась:

- Саша мой был женихом не первого десятка... не хотели ему меня отдавать. Прекрасен собой, олицетворение офицерской чести и достоинства... но мало ли в России героев? К той чести, да еще и денег бы побольше...

- Какое счастье, что все получилось. Что вы были вместе, - жалось у меня в груди и горячо запекло виной.

Может она нуждалась в таких вот разговорах со случайными людьми, по-стариковски тоскуя по прошлому. Старые люди, бывает, плохо помнят вчерашний день, зато события далеких лет встают перед глазами в мельчайших подробностях. А ей было что вспомнить, и хорошего в том числе. Не сторонись я, и узнала бы много нового. Ей заодно помогла бы.

- Дождлся он меня, да, - вглядывалась она в мои глаза. Вздохнув, отвела взгляд: - Езжайте с Богом! Мира вам.

Тянуло обнять ее, пожалеть, сказать что-то еще... такое.

Я поцеловала в сухую щеку и пошла к экипажу. Выглянула в окошко еще - помахать на прощание. Но она уже отвернулась и уходила, опираясь на посох. Может и нужно было почитать для нее...

*Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,
И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...*

Только сердце, и так истрепанное горем – выдержало бы? Шестое чувство назойливо шептало, что всё не просто так... и нужно найти в этой встрече какую-то подсказку, увидеть смысл. Но я отмахнулась, отвернулась от окна и закрыла для себя эту страницу. И все-таки сожаление... будто, только прикоснувшись, я тут же рассталась со сказкой и уже навсегда, до-олго еще не проходило. Какое-то время потом я еще чувствовала тихую грусть, но и это прошло.

До Штутгарта мы ехали месяц. Не из-за плохой дороги – тракт был выложен камнем и благоустроен постоянными дворами и просто харчевнями. И не так из-за моего здоровья – травки помогали, да и к качке со временем привыкают. Ехать весь день было тяжело, но уже не казалось пыткой. Но это и

предел - один день.

Мягких шин на колеса в России еще не надевали, так что экипаж постоянно потряхивало – рессоры полностью не компенсировали. Глухо, но постоянно стучали по камню подкованные лошадиные копыта, покрикивал кучер, шумел тракт. К тошноте, к вечеру у меня еще и голова раскалывалась – смертельно хотелось тишины. И, дождавшись «добро» от Даши, я поднималась в комнату, принимала ее помощь с гигиеническими процедурами и заползала на очередное лежбище, наслаждаясь отсутствием тряски. И тишиной.

Так что... день езды и день, чтобы отдохнуть, отдать в стирку и получить чистую одежду и постельное белье, ознакомиться немного с окрестностями. Фредерик точно не спешил домой, но причинами, по которым поменял планы, со мной не делился.

Меж нами не то, чтобы потеплело – оно и не холодало. Но за это время мы порядком освоились и «притерлись», лучше узнали привычки и вкусы друг друга. Вели себя уже свободнее и раскованнее, но всегда в рамках. То ли вежливости, то ли этикета – я не особо вдавалась, но многому у него научилась.

Сейчас уже знала, как вести себя и общаться с людьми разного сословия, немного ориентировалась в ценах и денежных единицах. У нас даже появилось что-то вроде традиции или ритуала – церемония утреннего чаепития, будто подтверждающая собой наше общее существование.

Принимая его заботу, как должное, я и себе разрешила заботиться – в мелочах пока, но не похоже, чтобы ему это было неприятно.

Плохо, что не получалось раскрутить его на разговор о родственниках. Впечатление - он оставляет мнение о них в будущем на мое усмотрение. И Бог его знает... но я уже побаивалась этой встречи.

Мы с ним останавливались в больших городах и знаковых местах: Вязьме, Смоленске... Здесь еще звучала родная речь и я чувствовала себя в безопасности. Мы много бродили, остановившись в Смоленске на два дня, смотрели крепость. Дальше началась Польша - Минск, Варшава, Лодзь... дороги не стали хуже, но буквально лезла в глаза откровенная бедность. Я соображала – почему так?

На улицы России нищета выплеснулась после отмены крепостного права. До этого крестьяне – самое бедное сословие, оставались на местах и не светили собой, нищенствуя. Мастерские же, торговый люд, чиновничество... имели какой-никакой достаток. В польских губерниях личную зависимость крестьян от помещиков отменили еще в 1807-м... Будущая реформа 64 года во многом повторяла польский опыт, сохранив вотчинную зависимость: земля, находившаяся в пользовании крестьян, являлась собственностью помещиков, крестьяне были обязаны отбывать барщину или платить оброк.

Дрезден, Нюрнберг... дороги ухоженные, одежда на лю-

дях опрятная. Но прогулки по вечерам прекратились и больше того – Фредерик нанял для нас сопровождение, вооруженную охрану. Я не смогла определить для себя с чем это связано, но разбой на дорогах крохотных немецких королевств, графств и герцогств процветал. Надежды на заступничество трех здоровых мужиков – самого Фредерика и двух кучеров с бородами-лопатами – Степанов, очевидно больше не было. Теперь мы старались ночевать только в больших населенных пунктах, дневные переходы удлинились и часто заканчивались уже в темноте.

Оставив позади границу Российской империи, я старалась вообще не контактировать с местным контингентом – появилось и все крепло опасение подхватить какую-нибудь местную... современную болячку. Скученность поселений и населения увеличилась, массово появились нищие и бедные люди, а значит и больные... А теперь еще и угроза ограбления.

Сразу после экипажа всегда штормило. Меня принимал в руки муж и вел к месту ночевки поддерживая, а иначе меня вело что-то другое и совсем не туда – вестибулярный аппарат отмачивал те еще шуточки.

Но движения не хватало и, чуть придя в себя и поев, я долго ходила по комнате туда-сюда. Пол скрипел, Фредерик вначале заходил узнать, что не так... потом привык. Под нашей с Дашей дверью каждую ночь спал на своем кафтане один из Степанов.

Сама не заметив когда, я стала ходить «так, как нужно» - ступая мягко и осторожно. Делала это уже на постоянной основе, инстинктивно оберегая того, кто во мне живет. А еще, после привычной вечерней молитвы я обязательно говорила с почти незаметным еще бугорком, наметившимся в области талии. Или тихо пела ему детские песенки, с тревогой прислушиваясь к своему состоянию. Вроде и не совсем плохо – ни выделений, ни болей, но я худела. Хотя, казалось, куда уже?

И при этом не голодала. Вечером и с утра я обязательно ела и в основном то, что готовила для меня Даша – легкие каши, творог с молоком и ягодами, вареный картофель, овощи. Хлеб, супы и бульоны, сготовленные не лично ею, женщина вначале пробовала сама. Была раньше такая должность, кажется, только при королях. А еще я старалась побольше пить - если истощение, то хотя бы не обезвоживание.

Я не знаю, что делала бы без нее – грубоватой и простой, как валенок, Даши. Еще в Бородино, увидев, как она сблизилась с местными травницами-монахинями и их ученицами, я задумалась... Но тогда не нашла в себе сил задать простой вопрос - не хочет ли она остаться при монастыре? Все-таки человек вольный. Вон даже Илья испугался чужбины. Но остаться без нее? Нет, я не была готова.

Спросила потом, позже, пообещав дать денег и отправить с кем-нибудь обратно, если возникнет такое желание. Ответа ждала со страхом...

Она отмахнулась:

- А где разница-то? У них там еще и похлопотнее будет. Поглядела уж я – почти все и знаю. А там с вами вдруг новому чему научусь?

О ее семейном положении я ничего не знала. Вернее, понятно было, что с ним что-то не так, но поднимать в дороге возможно болезненную тему не стала, оставив на потом.

После Нюрнберга я решила брать быка за рога. Фредерик как раз нанес мне визит, поменявшись местами в каретах с Дашей.

- Послушайте, ну даже не смешно уже – мы почти у ворот, а я не знаю, что нас ждет... кто нас ждет? Хотя бы кратенько – где мы будем жить? Отдельно или с родственниками? Кто они?

Его недомолвки и умолчания уже не просто напрягали - бесили. В конце концов, для беременной женщины синдром гнездования нормальное явление. И нервы у меня с этой поездкой стали совсем ни к черту. Мне нужно было, необходимо знать о своем будущем гнезде хоть что-нибудь.

Помрачнев, муж запрокинул голову на диванную спинку, смотрел какое-то время вверх... Потом усмехнулся.

- Для меня это будет такой же новостью, а может и сюрпризом, как и для вас, Таис. И где мы будем жить, и ждут ли нас там вообще.

Увидев, наверное, выражение моего лица, поспешил успокоить:

- Если с родственниками сложится не самым лучшим образом, я обязательно что-нибудь придумаю.

- А не лучше ли уже сейчас... – начала я.

- Нет, - спокойно отрезал он, - лучшим будет определиться с ними и уже потом принимать окончательное решение.

- Кхм... как скажете, - растерялась я, уже отвыкнув от такого тона.

Внимательно взглянув на меня, он заметил:

- Хорошо бы – таким образом вы обращались ко мне и в присутствии...

- ... ваших родственников, - задумчиво закончила я, - как скажете, муж мой.

Вымученно улыбнулась... интересное дело - придется вовести? А за что? Не за мое точно – за его. Не уверена, что способна сейчас. И, чтобы немного отвлечься и отвлечь его, решила поделиться интересным:

- А вы знаете... что подле Смоленска мы проехали мимо кладов. Наполеон сбросил награбленное в Москве в озеро под названием Семлевское. Речь шла уже не об улучшении жизни с помощью трофеев, а о спасении ее.

- И вы об этом смолчали?! – с готовностью подхватил он.

- Озеро было больше похоже на болото еще при Наполеоне, сейчас, наверное, уже совсем затерялось среди топей. Думаете – одна я знаю о кладов? Пушки, старинное оружие, украшения Кремля и даже крест с Ивана Великого...

- Поздно, к Смоленску уже не побегу. И я насчитал там

более сорока мостов, не считая бродов... думаю, топей не меньше, чем рек. Но то, что вы умеете замалчивать и утаивать вещи важные, Таис... я запомню, - грустно улыбался муж.

Не получилось ни отвлечь, ни отвлечься самой. Не просто грусть... я чувствовала в нем тревожность. И молча пожала руку, задержав в своих и спрашивая взглядом – и настолько все у нас хреново, друг дорогой?

- Я сделаю для вас все возможное, Таис... это моя обязанность, - пообещал он сухо.

Я кивнула, отпуская его ладонь – ладно тогда. В этом я ему, кажется, уже верила.

Оставался один переход... ну два, от силы.

Здесь, в комнате довольно дорогого постоянного двора, почти отеля, имелось большое настенное зеркало. Переодевшись ко сну, я смотрелась в него, пока горничная расчесывала и плела мне слабую ночную косу. Волосы стали выпадать. Учитывая длину, каждый день Даша носила сжигать целые пучки. Было бы где сжечь большую массу, не напрягая никого вонюю, я уже давно обрезала бы минимум половину. Жаль не было - меня самой осталась половина за этот месяц.

Зеркало отражало узкое худое лицо с запавшими щеками и синими подглазниками. Одни ресницы на нем и остались... ресницы и брови. Я устала, очень... и держалась чисто на упрямстве. Может еще на вредности.

Глава 3

В кабинет к отцу Константин вошел без стука, резко распахнув дверь.

- Теперь ты доволен?

- Нет, - поднялся тот навстречу, - я останусь доволен, если по осени ты посетишь Альтенбург.

- Я сделаю это, - чуть подумав, скрипнул зубами Константин: - Но и у меня тоже есть условия - мне нужен Севастополь.

- Севастополь?.. – кажется, сумел он удивить.

- Зачем тебе? Морской поход? – пытался понять отец, - но проливы закрыты, «Паллада» не пройдет.

- «Паллада» остается здесь.

- О чем ты тогда?

- Севастополь и контр-адмиральский чин, отец, - ровно и твердо отрезал сын, - а возможно и должность таврического губернатора потом – как договоримся в перспективе с Вла-

димиром Ивановичем.

Николай выпрямился во весь свой двухметровый рост и медленно зашагал по кабинету. Молчал долго, потом задумчиво отметил:

- Пестель едва год, как мною назначен. Он весьма значительно показал себя в Херсоне, действительный тайный советник, генерал-лейтенант...

- А я – будущий адмирал и сын, который покорился твоей воле, - скрипнул зубами Константин, - черноморская флотилия – полностью под мою власть. Любые новшества - на мое усмотрение. Вмешательства по этому поводу нежелательны, даже со стороны Морского министерства.

- Ты слишком молод еще, чтобы не признавать Морское министерство!

- К *дельным* советам обещаю прислушаться.

- Ты с ума сошел, Кости! – рыкнул Николай, - ставить мне подобные условия.

- Способы достижения цели могут быть и не благородными, не так ли? Я чувствую себя запертым в клетке и только от твоего решения зависит в какую сторону я кинусь, вырвавшись из нее. Обещаю одно – не опозорить тебя в случае, если назначение будет одобрено. Сие обещаю твердо!

- Буду думать, - отвернулся отец.

Константин был почти спокоен, на удивление. Больше нервничал перед разговором, чем во время оно. Оказалось, что никакая встряска не сравнится с тем потрясением,

которое он испытал, навалившись спиной на дверь и пережидая свой личный шторм. Сейчас он старался не думать о Таис – это мешало, а обдумать и сделать предстояло многое. Он просто помнил о ней.

В том, что назначение состоится, не сомневался и уснул с трудом – уже обдумывая свои будущие действия, расставляя их в уме в порядке очередности – первостатейной срочности и пока еще терпящие.

Во-первых – «Паллада». Он мысленно перебирал имена тех, кого знал и уважал настолько, чтобы с легким сердцем доверить свой корабль. Он не был первым капитаном на его борту, а «Паллада» – не первой под его командованием. Но именно здесь он позволил себе некоторые совершенствования – уже не только мечтая, но и что-то делая...

Шлюпка летела по гладкой воде Финского. Старший отдавал команды сдержанно, а не удалым голосом, как было принято – отстраненное и задумчивое лицо командира настораживало. Следовало предупредить остальных...

К тому времени, как поднялся на борт, Константин уже знал, кто станет его преемником... следовало встретиться и переговорить, в случае согласия рекомендовать. Это первое...

Сидя за письменным столом в капитанской каюте, он рисовал планы – нумеруя, списком.

Шефство над лейб-гвардии Финляндским полком... Формальное почетное звание шеф-командира предполагало, тем

не менее, некоторые обязанности, являвшиеся для члена царской семьи делом пожизненным. Но сложностей здесь не предвиделось... В мирное и летнее время полк квартировался и нес службу в Красном селе. Следовало нанести визит его командиру. С Сергеем Сергеевичем Константин намеревался обговорить нужды полка и извиниться за свое отсутствие в будущем на полковых балах и торжественных мероприятиях.

Следующим пунктом шла команда... без доверенных людей в близком окружении будь ты хоть Великий князь, хоть сам Георгий Победоносец, дела не сделать. Младшее офицерство встретит новшества с одобрением – без сомнения, старший же командный состав... Здесь Константин задумался. Безусловно, возникнут сомнения, возможны возмущение, недоверие и даже саботаж. Он и сам бы усомнился на их месте. Официальное зачисление в императорскую свиту, как и адмиральское звание для него планировалось отцом только года через три-четыре и на менее ответственной должности.

Встав, Константин медленно прошелся из конца в конец каюты, неожиданно понимая, что сейчас неосознанно копирует отца. Тот всегда прохаживался в волнении или размышляя.

- Вестовой! Сообрази, братец, чайку, - попросил, чувствуя ставшее уже почти привычным за два дня мучительное стеснение в груди, а вместе с ним и жажду. Не мог заставить себя поесть все это время, только пил и пил.

- Минут, вашескобродие! – ринулся тот исполнять.

Константин прислушался к своему состоянию - собран, решителен и все-таки порядком расстроен. Внутренняя тяжесть, досада... а вот злости, на удивление, не было. И должен бы злиться на отца, но нет...

Слишком хорошо знал его и понимал тоже.

Знал, что тот не имел ни малейшего желания занимать российский престол, и когда все же пришлось, это оказалось далеко не праздничным событием. Больше того – ввиду военной смуты, разворачивающейся за стенами Зимнего, они с мамой всерьез готовились умереть и отец просил ее принять смерть достойно, а она обещала ему это.

Власть упала на плечи отца каменной глыбой, стразу же потребовав жестких и даже кровавых решений. И взяв ее, как человек военный и обязательный, он сложил на благо и алтарь Отечества все, что мог. Здоровье, время, сон и даже счастье своих детей. Он просто не представлял, что может быть как-то иначе. Что можно иначе.

Злости не было. Но и полностью покориться его воле Костя не был готов.

В словах Таис «у России никогда не было и не будет друзей, только временные союзники», если проанализировать предыдущие исторические события - был смысл. Он намеревался говорить об этом с Нессельроде, нужно было знать мнение министра и насколько оно отличается. Развить эти мысли в дальнейшие и получить мнение о возможных союз-

никах и врагах... Великобритании, в частности.

До этого Великий князь был далек от политики и дипломатии, но, очевидно, пора теперь вникать, анализировать, обговаривать... и окончательно утвердиться в личном мнении – что лучше для России.

Полагаться единственно на логические выкладки Таис, пускай и имеющей выдающиеся аналитические способности, не следовало. Он была убедительна, но этого недостаточно – речь шла о вещах слишком серьезных.

То есть... следующей в списке встала беседа с Карлом Васильевичем и желательно в приватной обстановке, чтобы он высказывался не должностными формулировками, а собственным мнением. Которое, впрочем, Константин также не собирался слепо принимать на веру. Согласен был с Таис, что любая война, это результат недоработки политиков – они бывает ошибаются. И у Нессельроде случались в прошлом серьезные ошибки, могут и впредь...

Подпунктом на листе было дописано – добыть исключительного качества десерт, неизвестный еще Марии Дмитриевне. Что было весьма затруднительно, но... ничего невозможного нет. Расположить к себе и возможно своему отдельному мнению мадам Нессельроде было необходимостью.

- Ваше высокоблагородие, разрешите напомнить – вскоре предстоит обсервация. Примете доклад здесь? – уточнил вахтенный унтер.

- Нет, выйду, - встал капитан, наскоро допивая остывший

чай.

Натянул фуражку, вышел...

Ожидая доклад старшего офицера и обводя взглядом фрегат, наблюдая экипаж «Паллады» и его выверенные действия, он чувствовал, как все жестче и тоскливее сжимается в груди – он ведь осознанно расставался со всем этим. Не с морем, но с истинно морской службой, переходя заодно в разряд «штабных», который не особо любят в войсках. Да он и сам их не особо жаловал.

- Восемь склянок бить, - скомандовал глухо и привычно пригласил офицеров в кают-компанию.

Обед проходил в тишине. Тихо звякали о фарфор приборы, булькало вино, разливаемое в бокалы... Салфетки на коленях, безупречные манеры, встревоженные лица, вопросительные взгляды друг на друга. Понимающие впрочем... кто из них в свое время не терпел сердечное крушение? Штука тяжелая, а порой, казалось, и неподъемная.

- Артемий Тимурович, - вырвавшись из раздумий, будто только вспомнил капитан, обращаясь к Заверюгину.

- Владислав Семенович, - взглянул на капитан-лейтенанта Шкурятина.

Офицеры встали.

- После прошу вас остаться для разговора. Прошу прощения, что прервал, продолжайте обед.

Никто не задавал вопросов, не заговаривал – впервые трапеза в кают-кампании напоминала собой поминки.

Начинался разговор трудно. Константин понимал, что должен быть предельно откровенен, но серьезно мотивировать свои действия пока еще не мог. Да только его мысли подхватили с полуслова:

- А ведь это ваше решение довольно предсказуемо, - сверкнули глаза у Шкурятина, - у самого подошвы горели, когда проиграл сражение за Севастополь... ведь я прав – всё соотносится с этой игрой? Штабные учения... я прекрасно чувствовал себя на стороне предполагаемого противника и был совершенно беспомощен в роли защитника. Спать ночью не смог, все соображал и мыслил...

- Вы правы, Владислав Семенович. Мне тоже покоя нет от этого. Обращаюсь к вам, как к способным и надежным офицерам, а еще людям свободным, не семейным – вы согласны в том числе составить на месте мою команду?

В Шкурятине он был абсолютно уверен – отличный службист, предельно дисциплинированный и исполнительный, при этом он так и фонтанировал инициативой. Контролируя ее, впрочем, и разумно обосновывая. В этом они были похожи с Заверюгиным.

Шкурятин был приятен в общении и хорош собой – средний рост, гибкий стан, живость в движениях и самоуверенность в осанке... соломенного цвета волосы и такая же бородка – шкиперская, чисто бритая по щекам, шли ему необыкновенно, как и загорелый красный цвет кожи, и яркие голубо-серые глаза, в которых светился ум.

- Готов следовать за вами, почту за честь продолжить в дальнейшем службу совместно! – вытянулся в струнку офицер.

- А вы, Артемий Тимурович?

- А я?.. – нахмутив брови, Заверюгин прямо взглянул в глаза командиру: - Прошу прощения, но вынужден отказать вам, Константин Николаевич. Я все так же прошу вас о ходатайстве по переводу меня в испытательную команду. Прошу прощения, но сплю и вместо дамских прелестей вижу во сне рогатые мины. Сил нет, как захвачен этим новшеством и возмущен в то же время - доработана сама мина, но не тактика ее применения. Я считаю, что использовать их следует не спорадически (*единично), а как элемент спланированной морской стратегии. Также убежден, что минное направление – одно из главных составляющих защитных действий. Да взять тот же Севастополь!

- Хорошо помню жар и упорство, с которым вы обсуждали прошедшие в сороковом году испытания, - кивнул командир, - я стану ходатайствовать за вас, Артемий Тимурович. И к следующему году попрошу повторно обдумать мое предложение, а именно - курировать минное производство и испытания уже на Черном море.

Заверюгин потрясенно молчал, но смотрел так, что прямого ответа уже и не требовалось.

- Русском! – упрямо мотнул головой Шкурятин.

Константин улыбнулся – все знали об этом пунктике упря-

мого офицера...

Так называли море, когда русские овладели Крымом и Таманью создав Тмутараканское княжество, с которого контролировали всю морскую торговлю. После того как княжество было уничтожено, забылось и название - Русское море, его стали называть на турецкий манер - Кара дениз, что значит - черное море. С таким порядком Шкурятин согласен не был – Россия опять стоит на этих берегах, так отчего тогда?..

Паровой флот шел у Константина четвертым пунктом. Обсудить перспективы его строительства на Николаевской верфи следовало с судовыми инженерами и адмиралом Лазаревым. По словам Сергея Загорянского, тот был ярым сторонником такого строительства и обладал к тому же достаточно высоким авторитетом, чтобы поддержать молодого адмирала на новой должности. Им следовало соединить свои силы. Поэтому вначале Константин планировал говорить с ним, занять в нем безусловного союзника и только потом следовать в Севастополь.

Что касаясь личной команды...

Ему нужен будет свой человек в Симферополе подле Пестеля. Таврический губернатор действительно был человеком хозяйственным и грамотным руководителем. Но, по слухам... будто слегка опасливым. Действовал он исключительно в рамках приказов и распоряжений. А Миша Дубельт явно тяготился службой в лейб-гвардии, иначе откуда упадническое настроение последнего времени и даже запой? На-

столько не дорожат службой только в случае сильного разочарования в ней. Костя вызвал в памяти мерзостное зрелище... нет - друга нужно спасать.

А пока что Константин наслаждался последними днями морской службы. По плану сегодня было намечены тренировки марсовых и натаскивание штурманят по определению на месте.

- С марсов долой! – послышался громкий окрик и с вант живо посыпался молодняк – ночные учения закончились. У штурманских все только начиналось.

Перед строем из пяти человек важно вышагивал старший штурман и вещал:

- ... а ночи хотя еще и не темны, но определяющие звезды уже достаточно ясно видимы. Кто первым станет показывать смотрение по ноктурналу время часов... снижение и возвышение Полярной Звезды от поля? Так же и усмотрение через инструменты высоту звезды. А паче всего следует знать звание оных звезд и поверение компаса через Полярную и прочие ориентиры...

Тихо перейдя на мористую сторону корабельного корпуса и облокотившись на планширь, Костя наблюдал, как луна расстилает дорожку по воде, будто предлагая ему пройти по ней. А ведь туман был такой, что закутал верхние паруса, со шканцев, говорят, бак не видать было...

А сейчас надо же - вон какая ночь. И то ли прохлада так влияла... но ощутимо расслаблялось что-то за грудиной, от-

пускало, давало уже свободно дышать. Казалось – прямо сейчас тихо уходит по лунной дорожке боль последних дней, становится не такой острой тоска.

Война и любовь – две стихии, владеющие судьбой мужчины.

Отказаться от любой из них значило бы погрузиться в убогое будничное существование. А он для этого слишком молод еще, слишком силен и слишком влюблен.

**

Глава 4

Я испытала странное чувство, когда Фредерик открыл дверку экипажа и резюмировал:

- Мы на месте, Таис. Позвольте помочь вам, - и привычно уже поставил меня на землю, аккуратно придерживая.

И я привычно доверилась мужским рукам – клюнуть землю носом или ковылять боком так, боком... как крабик, больше не хотелось. Было дело и если бы не он, то кто знает?..

Уже стоя на мощеной камнем площадке, я пережидала внутреннюю качку, а муж рассказывал:

- Лютеранская ветвь Гогенлоэ-Нойенштайн претерпела несколько разделов... старшая линия угасла в начале этого века, а младшая разделилась на три ветви: Гогенлоэ-Лангенбург, Гогенлоэ-Кирхберг и Гогенлоэ-Ингельфинген. Моего отца следует титуловать Светлейшим высочеством. Он глава ветви на этот момент и носит титул князя. Матери у меня

нет. Остальные члены фамилии титулуются, как принцы или принцессы...

- Все это нужно было рассказать мне раньше, - заволновалась я, - что еще я должна знать?

- Это уже неважно. Я представлю вас, вы сделаете легкий книксен и скажете всего два слова – Светлейшее высокочество...

- Как скажете, Фредерик, - радостно готова была я хоть и на книксен самый тяжелый.

Это приятное чувство завершенности, ощущение с трудом достигнутой цели и осознание того, что всё - добрались! Я проживала краткий миг настоящего счастья. Шла рядом с мужем, будто плыла во сне, вся в эйфории, чувствуя чуть заторможенный, сонный триумф – я сделала это! Я. Сделала!

Ночь скрывала собой подробности окрестностей и большого строения, к которому мы подходили – все-таки там был большой каменный дом, а может и замок.

Который из - я знать не могла, в Германии их масса. Но по ощущениям, слишком большим, а стало быть и известным, он не был. На фоне звездного неба за стеной из камня угадывались более темным силуэтом невысокая башня и высокая острая крыша рядом.

Фредерик несколько раз постучал в высокую арочную дверь - ворота. Для этого на ней прибита была специальная металлическая штука – кнокер или дверной молоток. Этот представлял собой настоящее произведение приклад-

ного искусства – подвижная кисть человеческой руки, вылитая из металла и с таким же шаром в ней. Им Фредерик и лупил по металлической блямбе так, что зубы сводило.

- Кто там? – раздался грубый недовольный голос.

- Фредерик Август Гогенлоэ-Ингельфинген. Доложи немедленно! – рявкнул Фредерик и, глубоко вздохнув, извинился передо мной: - Простите, Таис – ночь... какое-то время придется подождать.

- Ничего, подождем... такая красота, - смотрела я на звездное небо, задрав голову и все еще опираясь спиной о грудь мужа.

Боже, какая прелесть, какой воздух! А тишина? У них что – совсем нет собак? В России такой хай уже подняли бы! И в мое время, и в это в каждом почти дворе держат псину. И неважно - есть там чего охранять или самое ценное в нем – сама собака.

Минут через двадцать – не меньше, массивная калитка скрипнула и тяжело отошла, открываясь наружу, как и положено во всех оборонительных сооружениях.

- Прошу вас показать лицо... лица, - чуть сбившись, произнесла темная тень уже другим – сильным и молодым голосом.

И почти сразу откуда-то сбоку выплыл факел. Надо же? Настоящий смоляной факел. Его держал в левой руке мужчина в простой форме, скорее всего – одежде местной челяди. Второй – высокий мощный мужик с гладко выбри-

тым лицом и в буклях... внимательно присмотрелся к нам и негромко отметил, будто для себя:

- Принц.

- Отец здесь? – шагнул вперед Фредерик, - впрочем, неважно – готовьте ночлег.

- Вам следует заночевать в деревне, там хороший постоянный двор. А в замок явиться уже поутру.

- Не смей указывать... - нервно начал Фредерик.

- Это пожелание Его Светлейшего сиятельства.

- Что ж... прорываться с боем мы не будем. Я согласна на постоянный двор, муж мой, - схватила я его за руку. Дернувшегося бить морды, скорее всего. Но силы неравны, а то я и сама бы... С ума сойти у них тут – держать своего ребенка за воротами? Ночью?

- Ты уверен? Это то, чего хочет отец? – мрачно уточнил у мужика Фредерик, будто и не слыша меня.

- Простите, принц... Это может быть связано с престарелой фрау Августой – она вас не вспомнит и станет нервничать. Ночью же это может вылиться вообще непонятно во что, - не сделал тот и шага в сторону. Стоял стеной в дверях, как и мужик с факелом.

- Раньше не замечала, а теперь и не вспомнит? – усмехнулся Фредерик.

- Вот же ш... странные люди! - констатировала я на русском, - просто удивительно. Не расстраивайтесь только, Фредерик, я вот спокойна. Но удивлена, признаюсь... Пойдемте

тогда? Адрес постоянного двора знаете, это далеко?

- Не так, чтобы... почти рядом, - отстраненно отметил муж, - прошу вас... - увел он меня обратно по каменному мостику и посадил в экипаж.

И блин! Лучше бы ему сесть в мою карету - я бы забила уши и мозг... да чем угодно! Так нет же... один сходит там с ума сейчас. Глупый... глупый Фредерик. Да пошли бы они все!

Лошади тронулись понурым шагом, тоже устали.

- Не пустили что ли в дом, барышня? – уточнила Дарья.

- Что-то там связано с... потерей памяти. Даша, а почему я и вдруг – барышня? Замужняя ведь дама... барыня тогда, что ли? – пыталась я отвлечься.

- Как скажете, барышня, - зевнула та.

- Ла-адно... - понимала я и сама, что на барыню не тяну.

Еще одна ночь на постоялом дворе прошла привычно. Я попросила не будить меня утром – совсем, сколько бы ни спала.

Проснулась ближе к обеду, судя по солнцу. Какое-то время и немало, заняли гигиенические процедуры. Хотелось уже полноценно вымыться, а не ограничиваться подмыванием и обтиранием. И голову пора бы привести в порядок.

Одевшись просто и скромно, спустилась в обеденный зал и нашла там мужа – видимо тоже встал поздно, но уже поел. Кормили в неметчине неплохо – просто, но сытно и порции полноценные. Я попросила овощного супа и какую-нибудь

кашу с ножкой каплуна. На тарелке мужа стекал жир с за-
скорузлой шкурки недоеденной рульки. Но сытым он не вы-
глядел, печальным - да.

- Давайте держать совет, - предложила я, потому что он
так и молчал: - Понятно, что у вас с семьей давние разногла-
сия. Решайте сами – стучаться опять в запертую дверь или не
стоит этого делать. Но, мне кажется, следовало сразу сказать,
что вы не один, а с женой. Тогда нас пригласили бы просто
из любопытства. Понимаю... - заспешила я, увидев, как ме-
няется выражение его лица: - Это не то, чего вам хотелось
бы. Но по щелчку пальцев редко что меняется, к этому сле-
дует приложить усилия. Я готова попытаться еще раз. Ваше-
му отцу ведь уже доложили, что при вас жена, Фредерик.

- Из замка никого не было, - доложил он отстраненно, -
хотя уже полдень.

- И не трагедия! – подхватила я, - а где, собственно, вы
жили до поездки в Россию?

- В казармах.

- Не вариант для семьи, я так полагаю? А снять жилье воз-
можно?

- Безусловно! Именно так я и намереваюсь сделать.

- Тогда и флаг вам в руки, а я спокойно подожду вас здесь.
Обоих Степанов отпустите?

- Я предлагал им службу при вас, но согласия не получил.
Экипажи и лошади будут проданы. Получив расчет и сдав
деньги в банк, они намереваются отъехать обратно.

- Разумно... а купить для себя ту – маленькую каретку?.. Кажется, она довольно удобна, - решила я обзавестись личным транспортом.

- Сейчас это невозможно, - встал муж из-за стола и... сел опять, будто вспомнив еще что-то.

А я с опозданием поняла, что действительно... И впредь нужно вначале думать, а потом открывать рот. Карету нужно где-то держать, лошадей чем-то кормить, и кучер же тоже... Бестолочь я, к жизни неприспособленная.

- Я распорядился о ванне для вас, постой оплачен на два дня вперед, если со съемом дома затянется. Окрестности постоянного двора безопасны, по улицам можно гулять, но лучше в светлое время. Давайте поднимемся к вам, я передам некую сумму – мало ли... вы что-то увидите в лавках.

- Без чего жить не могу? А чем вы будете заниматься дальше, Фредерик? Служить, как и раньше?

- Вероятнее всего. Это пехотный полк, один из полков 25-й вюртембергской дивизии, которая с самой лучшей стороны показала себя в сражениях с русскими в двенадцатом году, - грустно усмехнулся он, встретив мой удивленный взгляд: - Вы этого не знали?

- К своему стыду...

- Не стоит так говорить. Женщине и не нужно о таком знать.

- То есть... нет – странно, уж я-то знать должна бы – Вюртемберг был союзником Франции?

- Именно так. Во время катастрофического отступления из Москвы почти уничтоженная дивизия продолжала сохранять порядок и шла в арьергарде отступающей армии, прикрывая ее от атак русских казаков. От дивизии осталось чуть меньше батальона – не более трехсот пятидесяти человек. Из более чем пятнадцати тысяч.

- Вероятно, вы гордитесь историей своего полка, - прикинув потери, сглотнула я – сильно мы их...

- Несмотря на высокие боевые качества вюртембержцев, наша армия не особо надежна, Таис – правители Вюртемберга всегда отличались «острым политическим чутьём» и умели вовремя переметнуться на более сильную сторону, не стесняясь предательством вчерашних союзников, - спокойно отметил Фредерик.

- Это не мешает восхищаться солдатским мужеством, - возразила я. Вот тебе и союзника заимел Ольгин папа...

- Истинно так. А если бы решение зависело от военных, то войн и вовсе не случилось бы, - еще раз взглянув в сторону двери, мой муж поднялся: - А вам, Таис, теперь есть о чем отписать мадам Нессельроде, - хитро и нахально усмехнулся он, - Пора. Ехать мне не так далеко, но и не слишком близко – полк расположен в окрестностях Штутгарта.

- Непременно напишу, но думаю - это только я не в курсе дел. Не в самом Штутгарте, значит... тогда и дом следует искать вблизи места вашей службы.

- Вероятно, вы забыли, что почти уже являетесь фрейли-

ной или же статс-дамой кронпринцессы. Это подразумевает постоянное присутствие подле нее, - смотрел на меня муж с легкой снисходительностью.

- Статс-дамой – это вряд ли, - задумалась я, - если Анна Алексеевна приняла предложение Ольги Николаевны, то быть мне фрейлиной и не больше. А эта должность предполагает э-э... денежное вознаграждение?

- Вероятнее всего, - заклонило его на этой фразе, что ли?

Но она же помогла понять... человек пока еще сам не знает – что и как будет дальше и что делать сейчас. Было жаль его – похоже, наша сделка оказалась выгодна только мне. Семья не спешила поворачиваться к Фредерику лицом, упорно демонстрируя фасад.

Это я ему и высказала, добавив:

- Чувствую себя виноватой, будто специально обманула вас, - водила я ногтем по чисто выскобленной столешнице, - столько хлопот и неудобств, связанных со мной, а пользы для вас на выходе - ноль.

- Вы так забавно изъясняетесь, Таис... - улыбался муж, следя за моими пальцами: - Пока еще рано о чем-либо говорить. Я сниму дом подле места службы, представлю вас командованию полка, а далее жизнь покажет. Постараюсь поспешить с этим, выеду уже сейчас. Вам же следует терпеливо дожидаться меня. Жить в Штутгарте веселее, конечно... также там имеется банк, где будут расположены или уже находятся ваши средства. Доступность этих денег не так важ-

на сейчас - средствами я располагаю, но это всегда придает уверенности.

- Я дождусь вас, Фредерик. Не до покупок и развлечений – отдохнуть бы от дороги. Спокойно делайте то, что должны, - обсуждать денежные вопросы и распределение трат именно сейчас казалось мне чем-то диким – будто еще добить мужика сверху.

И выпрашивать о том, что там с каретами и Степанами, тоже не стала. Попрощалась с ними, поблагодарила. Мужские дела...

Городок, в котором мы остановились, был небольшим и очень живописным, как и многие города будущей Германии. Чего стоил один только фахверковый стиль.

Основа фахверка - особый тип каркасной конструкции, состоящий из деревянных брусьев и досок, напильных из хвойных пород дерева. Пространство между ними заполнялось очень разными материалами, тут зависело от достатка.

Здесь же был самый доступный из возможных – саман. Такая смесь глины, воды и соломы... иногда камыша, хвой, льна – того, что было под рукой и могло выполнять армирующую функцию. Особенность и красота фахверковой архитектуры в балках, перекрытиях и стойках, которые выполняют несущую и сразу же декоративную задачу. Деревянные стойки видны на фоне наполнителя, а если расшивка сделана со вкусом, то и замечательно украшают дом снаружи.

А уж внутри! Я с большей радостью жила бы в таком вот

доме, а не каменном замке, - ласково провела я рукой по теплой и чуть волнистой поверхности стены.

- Грязно же руке, барышня, - скривилась Дарья.

- Не так, как может казаться, - не согласилась я, - в Европе немного другие грунты, большей частью каменистые. Ты заметила – здесь в разы меньше грязи и пыли?

В лавочки мы не заходили, вначале я хотела просто осмотреться. Хотя устоять оказалось тяжеловато - от дома с говорящей вывеской плыл аромат свежееиспеченного хлеба. Если бы сдобы - я бы не справилась.

Тротуаров здесь не было – мощеная брусчаткой дорога доходила до стен домов центральной улицы. Вход в них располагался прямо с улицы, а дворики – с внутренней стороны. Небольшие, они все-таки составляли какой-то участок. В больших городах, которые мы проезжали, дома стояли вплотную друг к другу, касаясь стенами – такой массивный сплошной каменный конгломерат с вкраплениями разномастной отделки. Самый центр города, жилая зона и, как правило - каменный мешок совсем без озеленения. Здесь же просто небольшой городок, который скоро закончился. Мы вышли на окраину.

С невысокого холма открылся вид на небольшую долину, порезанную на участки – поля, огороды, виноградники? Внизу грунт более плодородный и строения вынесли на каменистый склон? Похоже было на то.

На улицах было немногочленно. Народ если и проходил,

то по делам. Крупные женщины с корзинами - пустыми или уже наполненными продуктамм... мужчины редко пешком, в основном на подводах или верхом на лошадях. Все они, проезжая мимо нас с Дашей, приподнимали соломенные шляпы с небольшими полями.

Здесь, как и в любой глубинке в эти времена, еще актуален был национальный костюм. Женские юбки высоко открывали ноги в вязанных чулках - гораздо выше щиколоток, но всё, что еще выше, было скромно закрыто рубашкой и подбием пиджачка. Удивили головные уборы, а они, как известно, больше всего свидетельствуют о народности, представляя ее. Здесь это были или плоские черные чепчики с полупрозрачными полями, опускающимися до бровей... Или соломенные шляпки со множеством шерстяных помпонов наверху. Красных и черных. Очевидно, существовала какая-то градация по цветам - то ли возрастная, то ли статусная. Когда-то были модными шляпы, напоминающие корзины, наполненные искусственными фруктами. Здесь громоздились шерстяные шары...

Я порадовалась, что оделась в простое закрытое платье. А что было нескромно открыто, кутала в тонкую шаль. Можно бы и потеплее – ветер дул со стороны высоких гор, виднеющихся вдалеке.

- Пошли обратно, Даша, - решила вдруг я, вспомнив, как до последнего тянул Фредерик с отъездом, все поглядывая на входную дверь. Быстрым шагом направилась к посто-

ялому двору. Нашла там хозяина – плотного мужчину в рубашке с пышными рукавами, жилете и коротких кюлотах и спросила:

- Подскажите, каким способом можно заказать повозку до дома... или же это замок?.. Неважно – я со служанкой еду к Гогенлоэ-Индельфинген. Мне нужны повозка и кучер...

Я и не могла тогда рассмотреть – дом это или замок?

Геометрия строения была смазана не столько темнотой, как густо покрывшим стены строения девичьим виноградом. Днем он смотрелся, как мохнатая шкура на боках могучего диковинного животного. Княжеские владения были укрыты от мира густой зеленью и смотрелось это красиво.

Все-таки маленький замок, наверное... имелась каменная стена и что-то наподобие рва с водой. И он расположен еще выше по склону, чем городок. Дальше в стороны до самых гор раскинулись леса – буковые и сосновые. Что отрицало устоявшееся мнение, что свои леса Европа давно выжгла и ближе к нашему времени восстановила с трудом.

Велев кучеру ждать, мы вместе с Дашей прошли по мостику надо рвом. У ворот я взялась за литую руку и с удовольствием несколько раз брякнула ею по железяке. Вороти-на приоткрылась почти сразу же.

- Как о вас доложить...? – выглянуло еще одно лицо – опять незнакомое. Полный лысый мужчина невысокого роста с интересом окинул меня внимательным взглядом. Перешел им на Дашу.

Я кивнула и ответила с достоинством:

- Фрау Таисия цу Гогенлоэ-Ингельфинген. И прошу поспешить – я в тягости и долго стоять здесь не намерена.

Глава 5

Не замок – это был огромный угрюмый каменный дом, башня не имела оборонительного значения, скорее так... попытка приукрасить архитектуру.

Сразу же, без доклада меня провели в изначально торжественно обставленный, но со временем порядком захламленный лишними вещами кабинет, где ожидал высокий мужчина лет шестидесяти.

Фредерик Август взял от него только рост, ну может еще цвет глаз и волос. Его отец и не обязан был быть красивым, но... непримиримое надменное выражение мужского лица мигом опустило меня с небес на землю - он совершенно не контролировал свои эмоции, не считал нужным.

Предвкушение, злорадство, жесткость... При этом он не терял над собой контроль, в прищуренных глазах был холодный расчет - злой, непримиримый. В ядовитой усмешке ни капли вежливости – она только усугубляла, делая выраже-

ние лица даже не пренебрежительным - презрительным. Поганым для меня, короче. Хотя вряд ли все эти эмоции имели отношение ко мне. Я была просто способом, возможностью... удобно подвернулась под руку, вот и все.

И вспомнилось - не подробно, а озарением...

Два опытных специалиста – историк и психолог, вели совместный блог. Брали отдельный исторический персонаж и устраивали такое... аналитическое шоу. Историк озвучивал факты биографии, решения и поступки данного человека, второй анализировал их с точки зрения психологии. По мере надобности привлекались другие специалисты – медики, к примеру, или криминалисты... неважно.

Учитывая и их мнение тоже, психолог уточнял свои выкладки и получалось очень интересно. Тогда-то я и усомнилась в ярлыках, навешанных на Карла Нессельроде.

Так вот - главная беда Карла Васильевича была в том, что он *всегда просто отчаянно* хотел мира. Хотел, чтобы хорошо было всем.

Склонный к компромиссам и умеренности, канцлер всегда стремился к урегулированию международных проблем за столом переговоров. Считал, что вопросы европейской стабильности неразрывно связаны с национальными интересами России. Всеми силами устраивая мир в Европе, он свято верил, что от этого Россия только выиграет.

Я чувствовала себя сейчас Нессельроде, который в очередной раз взялся решать чужой конфликт, с чистой душой

считая, что делает доброе дело. Канцлера за такое пинали потом все, кому не лень. Что сделают со мной, я пока не знала, но сам вид того, кто здесь князь, собственно... говорил о многом.

Не зная тонкостей и предпосылок явно непростых отношений, я тупо влезла меж двух взрослых мужиков. Чужих мне абсолютно. Которые годами как-то справлялись со своими трудностями и уж точно не ждали меня-спасительницу...

Минуты три прошло с момента, когда я брякнула молотком по воротам и момента, когда поняла, что зря... Но это были роковые минуты.

Я отчетливо понимала сейчас, что за свою порывистость и самонадеянность придется платить – чувствовала. Возможно, и правда у меня есть те самые аналитические способности, да только они запоздали... Вперед них влезло то самое чертово желание причинять добро.

- Итак?.. – поинтересовался свёкор.

Я вежливо присела и, представившись, объяснила:

- Считала своим долгом засвидетельствовать почтение, поскольку Фредерик вынужден был срочно уехать, я же выезжаю следом и уже завтрашним утром. Просто исчезнуть сочла невежливым. Благодарю вас, что приняли и разрешите откланяться.

- Зачем же так спешить, если только - завтрашним утром? – весело оскалился мужик, - присаживайтесь, я настаиваю.

Я села в указанное кресло, расправив платье и стараясь

держат себя в руках. Воздействовать физически не будут, это точно. Морально разве давить. Так сама влезла – не так обидно, переживу как-нибудь.

- В тягости, значит? – усмехнулся... гер Людвиг, насколько я помнила: - И ваш ребенок, так понимаю, претендует на титул принца или принцессы Гогенлоэ-Ингельфинген?

- Этот титул его по праву, но, если вы против... его уже ждет титул князя Шонурова-Козельского, на этого ребенка претендует российский престол. Он возродит старинный княжеский род.

- Без которого российский престол, полагаю, прожить уже никак не может, - покладисто согласился князь, - но, в свою очередь, и я уже считаю, что нам без него никак нельзя. Это дитя *уже* принадлежит мне, как главе рода. Что скажете?

- Не совсем понимаю – к чему этот разговор и почему в таком тоне? – отлично я все понимала. А он понимал, что я понимаю. Вот такая беда.

- Вы остаетесь гостить у меня – до родов. Потом для этого ребенка мы найдем кормилицу и можете быть свободны, фрау цу Гогенлоэ-Ингельфинген, - хмыкнул он.

- С удовольствием погощу у вас – почему нет? Но ребенка намереваюсь кормить сама и свободы от себя вам не дам, даже не надейтесь, – старалась я, чтобы голос не дрожал.

- Ну-ну... неплохо держитесь.

- Почему я должна держаться плохо? Моя мать фон дер Тромменау – род постарше вашего будет. Отцовская кровь

царского рода, моему ребенку императрицей твердо обещан княжеский титул...

- Но он ведь Гогенлоэ-Ингельфинген, не так ли?

- А вы хотели, чтобы – нет? Напрасно, – закусила я. Теперь или так, или никак. Иначе будет только хуже.

- Вот и замечательно! Вам покажут покои. Служанка останется с вами. Вещи привезут. Это все. Добро пожаловать домой, фрау...

- Можно просто - Таисия, Ваше Светлейшее высочество – для краткости, - пожала я плечами.

- Тогда ger Ludwig – также для краткости. Не задерживаю вас более.

- К кому мне обращаться по хозяйственным вопросам?

- К вам подойдут, - хмыкнул он.

Даша ждала меня под дверью. Остро полоснуло чувством вины – и ее втянула.

Вчерашний молодой мужик в буклях (статусность они обозначают, что ли?) молча провел меня по каменному коридору, на стенах которого кое-где были закреплены держатели для факелов. Правда, свет где-то впереди вполне давал возможность видеть куда ступаешь.

Узкое высокое окно располагалось в торце прохода, возле одних из дверей, по виду – ведущих в подземелье или каземат. Но нет – в свете солнечных лучей, падающих из витражного окна зайчиками зеленого и голубого цвета, открылась спокойная обстановка покоев.

Узкое, как и в коридоре, окно-витраж с примитивным горным пейзажем; кровать со светлыми покрывалом и балдахинном; стены затянуты веселыми пейзажными гобеленами с отарами овец на них и пастушками. На полу тканый безворсовый ковер... два – с двух сторон кровати. Наклонное бюро, кресло, еще одна маленькая дверь в стене... Действительно покои, не одна комната.

Вторая оказалась чем-то средним между гардеробной и комнатой для прислуги – шкафы без дверок, кровать, стол и стул. Из нее тоже был выход в коридор. На обеих дверях крепкие кованые засовы изнутри.

- Мы то ли в плену, то ли в гостях, Даша... прости, что втянула тебя во все это. Но не думаю, что нам угрожает что-то серьезное, пока, во всяком случае, - присев на постель, я неожиданно глубоко погрузилась в нее. Заглянув под покрывало, обнаружила, что здесь перина. И сопрофиты, надо полагать...

- Отдохнуть не помешает, барышня, мне уж все равно - где. И вы отдохните, а там видно будет. Хозяин подъедут и решат, как и что там дальше.

- Мне бы твой оптимизм, - пробормотала я, оглядываясь. Хозяин да – подъедет, но как я ему в глаза взгляну?

- Комнату не мешало бы проветрить. Как это сделать? – подошла я к окну. Очевидно - никак, только выставить, но это проблематично.

В окно заглядывал растопыренными листочками девичий

виноград. Дальше тоже было зелено – то ли сад, то ли маленький парк с вековыми деревьями. Без цветников, но нежная зелень лужаек усыпана мелкими белыми маргаритками, а узкие дорожки посыпаны чем-то красным. Битым кирпичом?

- Прилягте, барышня, а я пока узнаю тут все.

- Ты языком не владеешь, Даша, не поймешь ничего. И тебя не поймут.

- Моя забота, как-то же нужно?.. – исчезла она за дверью, тихо прикрыв ее.

Я прилегла. Теплый витраж притягивал взгляд.

Взрослая женщина, я повела себя, как ребенок – необходимо и безответственно. Вот как так?

Пригретая разноцветными солнечными лучами, падающими на постель, я соображала, думала...

Вывод напрашивался один... жизнь ни разу не была меня жестоко, тяжело, наотмашь. Я всегда поступала, как считала нужным, а не вынуждена была. Не теряла родных, не разочаровывалась в любви, не болела даже так, чтобы действительно серьезно. И даже смерть меня пожалела, забрав во сне.

Тут даже не ангел-хранитель – сам Боженька держал надо мной свою охраняющую длань. И с попаданием этим тоже – не в крепостные ведь угодила. И Таино горе, приведшее ее к смерти, по мне эмоционально не ударило, и даже любовь мне подарили светлую, чистую, почти святую. Такую... без сожалений в любом случае, без разницы, как с ней повернется.

Я легко решила вопрос с ребенком, на моей стороне всегда была удача. А сейчас лимит ее исчерпан? Пожалела, захотела помочь... а меня просили? Велено было ждать, сидя на жопе ровно, так какого черта?!

Но что уж теперь...

Из плюсов – у меня есть время.

Врешь – не возьмешь, как говорится. Еще посмотрим... Ребенка вам... Да может я и сама этого захочу – остаться здесь с ребенком. Осмотрюсь вот... уже засыпала я. Капитальный отдых и правда нужен. Не следует нервничать и бояться, радуя этим сатрапа – хрен ему. Предельная вежливость, хорошее настроение, манеры... а еще нужно взять от этой ситуации все, что только можно.

Я буду много есть, много гулять, чем-то займусь – обязательно. И вообще... плакать не стыдно - плакать полезно.

Даша разбудила меня ближе к вечеру. Солнце ушло на другую сторону дома и настроение помещения поменялось. Тесновато, темновато, но уютно – такая себе норка, где можно спрятаться, надежно закрывшись.

Спать в одежде на будущее зареклась – чувствовала себя несвежей и не особо отдохнувшей. А еще голодной.

- Не дала будить вас, барышня. Здешний хозяин отобедать звали, а теперь что уж - вечерять время. Только обедают они вместе, а так - каждый порознь. Придется сюда принести.

- Ты все-таки нашла способ объясняться?

- А на што же мне руки дадены? – удивилась Даша.

- Выйду уже завтра, пожалуй, нужно будет осмотреться и уточнить длину поводка. Вещи привезли, переодеться будет во что? Помыться бы еще, - размечталась я.

- Это сами уже завтра договаривайтесь, пока оботремся. Принесу тогда еды.

Я ждала, стоя у окна. Уловив движение снаружи, присмотрелась – по дорожке медленно шли две старые женщины. Та, которая немного моложе, служанка похоже. Вторая, совсем старая, то ли в парике, то ли в прическе с подложкой – высокой, парадной. Платье на даме такого же плана и насколько я помнила, так одевались лет пятьдесят назад.

Женщины шли молча, привычно, даже будто механически переступая ногами. Удивила осанка старой дамы, но потом дошло – корсет же! Старушка до этих лет носила корсет – сухонькая, морщинистая, с лицом безо всякого выражения.

От этой картины веяло замшелой стариной и безнадегой.

- Присаживайтесь, барышня, чем Бог послал... - выставила Даша на край постели поднос, привычно перекрестив еду. На нем стояла большая плоская тарелка с кусками жареной печенки в тушеных яблоках и колечках припущенного красного лука. Пучок петрушки следовало то ли жевать, то ли нюхать, хлеб был пышным, но серым. И керамическая кружка с горячим молоком, прикрытая крышечкой.

- Голодом морить не планируют, - пробормотала я, - уже хорошо. Ты будешь? Даш?

- Ела уже. Молчат тут все... - с сожалением констатиро-

вала та, - тихо, как под водой. Кухарка и та молчит, хотя хозяин куда-то отъехал. Привычно уже им так, видать.

- Ну, нам с тобой говорить никто не запрещал. Можем и спеть тихонько... - жадно пихала я в себя еду. Вкусно... Столик бы еще сюда, что ли?

Глава 6

Пару дней я старалась не думать о муже. Не появился еще - и к лучшему, значит еще не знает, что я не сдержала обещание не лезть в его личную жизнь.

Хорошо выспавшись, способна уже была видеть окружающее в деталях. Тем более, что такую возможность мне дали – поводок оказался не слишком коротким.

Во-первых, я рассмотрела саму постройку...

Она оказалась интересным сооружением. И лет этому дому было триста-четыре - не меньше. С правой стороны от входа, постепенно обнимая его, ров углублялся, превращаясь в неглубокий обрыв. И одной своей стороной, получается, дом нависал над долиной, будто вырастая из скалы. Здесь был пристроен небольшой балкончик, выйти на который я не рискнула – он выглядел слишком старым. И видом долины я любовалась, стоя на пороге...

С этой высоты он открывался шире. С окраины городка

я не заметила небольшой ручей, отсюда он тоже угадывался только по растительности, но понятно было, куда впадает – между холмами виднелась то ли река, то ли озеро. Если река, то это могла быть Неккар, на которой стоит Штутгарт.

С третьей стороны к дому примыкал старый яблоневый сад, который когда-то был внутренним, но и сейчас еще его окружала полуразрушенная стена. Справа разросся старинный парк. Здесь стены почти совсем не стало, а через давно не чищенный ров был перекинут каменный мостик – тоже очень старый. Дальше парк переходил в лес... то есть, теоретически, наглухо заперта здесь я не была. Всегда можно уйти, вот только куда?

Внутри дом сильно напрашивался на генеральную уборку, устойчивая легенда о чистоплотности немецких хозяек в моем сознании дала трещину.

Но и это я для себя прояснила, с трудом правда – расспросив круглолицую кухарку Эльзу. Дело в том, что из женской прислуги здесь были только она да престарелая Марлен. Кухарка занималась исключительно готовкой, что и понятно – накормить следовало четырех мужчин и теперь уже пятерых женщин. А Марлен занята была престарелой фрау Августой. Для генеральной уборки раз в месяц хозяин нанимал женщин из городка. Но, судя по полоскам закаменевшей грязи у стен коридора, старались они не особенно.

Даше я запретила убираться где-либо, кроме моих комнат, хотя то самое, дурное бабское желание – только увидишь

грязь, хвататься за тряпку, испытывала и сама.

Больше того – я собралась отпустить ее домой, как только появится такая возможность. В середине сентября должны были появиться в Штутгарте Карл и Ольга. С их сопровождением возвратиться на родину могла и Даша. Не знаю в чем дело... но то, что судьба человека напрямую зависит от моей воли, напрягало и очень сильно. Было некомфортно давать указания, нутро мое не признавало власти над другим человеком, и, чуть отойдя от дороги и в состоянии уже быть полностью собой, я всегда просила, если что-то нужно было – через «пожалуйста».

Ирма – другое, ее помощь и услуги я принимала, как должное. Даша же... у меня элементарно не было денег, чтобы платить ей. А иной безвозмездной пахоты на благо себя, кроме разве родственной, моя душенька не принимала.

Разговор на эту тему состоялся и кое-что прояснилось.

С маменькой у них был уговор. В подробности Дарья не вдавалась, но я так поняла – помогая мне, она выторговала преференции и немалые, для двух дочерей и сына. Это могло быть что угодно, а может и все, что угодно... за добросовестную помощь мне.

- Просто дайте мне делать, что нужно. Елазавета Якобовна по гроб жизни со мной расплатилась и никакой платы от вас, барышня, я не возьму. А не смогу уже... состарюсь – авось не бросите.

- Надеюсь, дома мы с тобой окажемся раньше, я не плани-

рую здесь стариться. Рожу и всерьез стану думать о возвращении. Здесь похоже у меня не так, чтобы складывается, - пообещала я и успела заметить надежду, мелькнувшую в ее взгляде, выражении лица... Договор, хоть и выгодный для нее, предполагал разлуку с детьми, пускай и взрослыми – не все там было так радужно.

С гером Людвигом уехал парень с буклями – Харман. Он был камердинером, секретарем, адъютантом... короче – личным помощником хозяина.

Остальные – лысый пожилой Фалко и крепкий жилистый Эрих, давно уже являлись как бы частью домовладений. Фалко занимался садом и парком, Эрих был мужем мягкой молчаливой Эльзы и помощником в трудоемких работах.

То есть... никого лишнего и бесполезного в доме, кроме меня и фрау Августы.

Женщина вызывала любопытство, к старикам я всегда относилась с симпатией. Может просто везло, но те, которых я хорошо знала, были приятными людьми. А поскольку другой женской компании здесь не предполагалось, нужно было наладить более тесные связи.

Но что-то сразу пошло не так...

Подгадав время прогулки фрау, мы с Дашей вышли ей навстречу. У меня оставалось всего пара платьев, которые можно было надеть без корсета – совсем простое домашнее и голубое – его Даша «расставила», вшив полоски ткани под шнуровку. Теперь можно было просто фиксировать его, не

затягивая на талии. Но уже пора было что-то решать с одеждой...

Решив, что голубое будет – самое то... и прикрыв голые плечи склотой у горла шалью, я вышла знакомиться. Перед этим мы уже выходили в сад – поздно вечером, когда стемнело. Никто нас не остановил, запрета на прогулки не последовало.

В темноте хорошо видно было только дорожку, зато в чуть влажном по вечернему воздуху особенно сильно разносились запахи – здесь все остальные забивал запах яблок. Слышно было, как они падают, глухо ударяясь о землю.

Сейчас я видела, что ветки буквально трещат от крупных яблок – самый сезон, середина августа. Но никто не собирал их, под отдельными деревьями они лежали желто-красным ковром. Обидно – так и сгниют. А можно бы пастилу сделать, если с сахаром проблема. Посушить еще...

- Идут, барышня, - напомнила мне Дарья.

И правда – из-за деревьев показались две фигуры – приземистая и прямая, как столбик, затянутая в корсет.

Мы шли навстречу и шагах в десяти я остановилась и присела, приветствуя. Собиралась что-то сказать, но, подняв взгляд, поражена была выражением лица старой женщины. Это были испуг и растерянность. Нахмутив брови, она испуганно зажмурилась, но сразу же обернулась к компаньонке, схватив ту за руку и будто задавая безмолвный вопрос. Но и та хмуро молчала, глядя на меня.

- Позвольте представиться, - тихо начала я, - я гостья этого дома, жена Фредерика Августа.

- Фредерика?.. - мучительно наморщила лоб дама.

- Ваш внук, фрау Августа, - доложила ей Марлен, - у вас три внука - Фриц, Отто и Фредерик. Фредерик младший, это его жена...

- Таисия... можно Таис для удобства произношения.

- О! Мне чрезвычайно приятно видеть жену Фредерика!
— лицо женщины стало вдруг чрезмерно радостным и оживленным.

- Мне тоже приятно ваше общество, - присела я опять, - разрешите составить вам компанию на прогулке.

А дальше мы гуляли. Насторожившись в самом начале и подозревая уже некое неблагополучие, говорить я старалась о вещах нейтральных. И все равно разговор получился любопытным.

Я всегда знала, что Германия самый что ни на есть яблочный регион, она один из крупнейших производителей яблок. Многие немецкие блюда из них разнообразят собой кухни мира. Я и сама бывало готовила чисто швабское блюдо - хлебную запеканку с яблоками. В чугунную форму (ту же утятницу) слоями выкладываются ломтики булки, смоченной в смеси яиц, молока и сахара, и ломтики яблок. Все это заливается остатками яичной смеси и выпекается в духовке вначале закрытым, а потом без крышки, чтобы и верх подрумянился. Хрустящие румяные края такой запеканки вкус-

ны особенно.

Или всем известное блюдо, по-немецки называющееся апфелькюхле — ломтики яблока, которые обмакивают в жидкое тесто и обжаривают до золотисто-коричневого цвета.

Но чего я не знала, так это то, что каждый год 11 января здесь отмечают праздник яблок – готовят яблочные блюда в семьях, а на улицах и ярмарках бесплатно раздают всем желающим яблоки – золотистые символы щедрости богини Идунн, которая создала их, дабы помогать остальным богам сохранять вечную молодость.

О яблоках Августа знала очень много, подробно описывая рецепты блюд с их добавлением, но затруднительно молчала, когда я спросила почему не собирают яблоки здесь. На ее лице рисовалась настолько напряженная работа мысли, что разговор я перевела на погоду...

Тепло распрощавшись в доме, мы разошлись – я в правую сторону, она в левую. Территория хозяина была на втором этаже, по-видимому.

Вечер этого дня получился насыщенным – мне наконец организовали ванну с горячей водой и душистым мылом, как и положено. И я мылась в корыте, сушила волосы, заставив Дашу обрезать-таки их хотя бы на ладонь – они продолжали выпадать, чего-то похоже в организме не хватало. Он решил, что это яблоки, и я ела их одно за другим - кисло-сладкие, сочные. Спать легли рано, встали утром тоже рано.

Предвкушая новую прогулку с фрау Августой и новую лю-

бопытную информацию, я поспешила ей навстречу...

Присев в приветственном поклоне, с улыбкой взглянула ей в лицо и... напоролась на тот же испуганный растерянный взгляд.

- Это жена вашего внука Фредерика – Таис, фрау Августа, - невозмутимо произнесла Марлен.

- Фредерика?... – и то же выражение беспомощности на лице, что и в прошлый раз.

- У вас три внука... - терпеливо рассказывала компаньонка.

Альдгеймера, старческая деменция?..

Дорогая парча прогулочного платья, жемчуг в волосах и на шее, сухие пальцы в перстнях... Жизнь похоже шутит поразному, но, как правило, несмешно. Кому сил и хлебушка не добавит, кого вот так лишает памяти.

Мы познакомились еще раз и теперь разговор направляла я – он шел о погоде и изменении климата в худшую сторону. События юности фрау Августа помнила. К нашему разговору незаметно подключилась Марлен. Мы то шли, то присаживались на скамейки, чтобы отдохнуть. Они были расставлены у дорожки довольно часто - выкрашенные по моде в белый цвет.

Общество этих женщин не было неприятным – наоборот, но я уже понимала, что сдохну так от тоски. Мне требовалось действие.

Все остальное было замечательно - прогулки, сытная

еда... на обед Эльза приготовила ядреный сытный и густой айнтопф – чечевичный суп-пюре с мясными фрикадельками. Я быстро приобрела привычку пить горячее молоко, обхватив керамическую кружку двумя руками, улавливая приятное тепло.

И вот так я отдыхала, гуляла и отъедалась уже три дня. На четвертый уже четко понимала, что с отдыхом перебор...

Переговорив с Эльзой по поводу обстановки с основным продуктом питания у простых немцев – картошкой, ну и хлебными злаками... без хлеба никак, я обратилась за помощью к Марлен.

Получив бумагу, перо и чернила, подумала и вывела первые слова:

«Здравствуйте, уважаемая Мария Дмитриевна!»

Непонятно, как дальше здесь будет с письмами, а если даже переписку мне разрешат, то последует ли перлюстрация – я и этого не знала. Но сейчас у меня было время вспомнить в спокойной обстановке все, что знала о Германии, Австрии и Европе этого времени.

Все важные события, направления политики, только намечающиеся и уже устоявшиеся... все основное и те частности, что помнила в связи с пребыванием здесь Ольги Николаевны. А еще нужно было хорошенько обдумать, как именно все это подать.

Кризис в Неметчине начался с Польши, поделенной на тот момент между Россией, Пруссией и Австрией. И кстати...

ненависть поляков по этому поводу распространяется почему-то исключительно на Россию. А что так?..

И я вывела следующие строки:

«Как уже известно, в марте сего года в германских землях произошли события, кои, без сомнения, станут началом будущего кризиса для Австрии, Пруссии и всех членов Германского союза. Все началось с Прусской Польши и национальной идеи освобождения и объединения Польских земель. Впрочем, это уже общеизвестно.

Арест верхушки повстанцев в Пруссии и рассекречивание польских планов толкнули канцлера Австрии Меттерниха на предварительные меры, в результате которых и вспыхнуло восстание в Австрийской Галиции, повлекшее за собой жертвы среди шляхты, которые оценивают от тысячи до двух тысяч человек и разорение поместий, благополучных меж коих не осталось.

Боюсь, что это и всё на данный момент, что явно бросается в глаза в германских землях. Напряжение после мартовских событий и плохой урожай предыдущего, а смею предполагать и этого года, стали причиной процветания разбоя на дорогах и недовольства низших сословий, которое будет только возрастать вместе с голодом.»

Где-то так пока. А голод и правда ожидается. Ольга станет продавать свои личные украшения, чтобы помочь нуждающимся - это точная информация.

Сумерки окутали дом, потихоньку стирая границу меж-

ду прошедшим днем и будущей ночью. Чуть дрожал огонек свечи, падали яблоки в саду... Сидя рядом, Даша пыталась расшить для меня еще одно - мятного цвета платье. Я улыбалась - с ним связаны такие воспоминания... Но это мысли опасные - не сейчас, когда в моей жизни все настолько зыбко. Мечтать не вредно, но бессмысленно. Поэтому лучше о деле - я соображала...

Выкладывать «своё» понимание ситуации и выводы, навязывая собственное мнение, не стоило. Это, как правило, вызывает обратную реакцию - отторжение. Но то, что восстание в Австрийской Польше дело рук администрации Меттерниха, которая расправилась руками польских крестьян с заговорщиками-шляхтой, в это время еще не сопоставили.

Если моя «оговорка» будет замечена, разъясню подробнее, но, опять же, приведя убедительные доказательства. Вообще-то – от известных политологов, но какая сейчас разница? Мне нужен авторитет, а его даст точность в выводах и прогнозах. И, возможно, настанет время, когда к моему мнению станут прислушиваться.

Вообще-то правители во все времена частенько полагались на донесения шпионов... хмм – пускай будет разведчиков.

Отложив письмо – мало ли... надумаю еще что-нибудь, я взяла чистый лист.

Нужно бы отписать маменьке, но нет – пускай определяюсь вначале с обеими Гогенлоэ-Ингельфингами.

Сейчас, хорошенько подумав и изучив окружающую обстановку, я немного успокоилась. Не средневековые чай, в строгом заточении меня держать никто не станет. Выйду я отсюда ближайшее время или нет, зависит от мужа.

Но вот то, что, намереваясь забрать меня через два дня и за столько же заплатив за постой, он до сих пор не явился...

Грустно улыбнувшись, я потянулась за очередным яблоком. Похоже, здорово подгадив нашим отношениям с той запиской и только наладив их, я опять все испортила.

Ничего... сейчас лягу спать. Усну не сразу - не устала и успею увидеть, как сквозь витраж пробивается свет луны, бросая длинные тени на стены. А завтра будет такой же спокойный день - так живут старики. Ничего...

Глава 7

- Боюсь, Марию Дмитриевну сложно удивить, Ваше высочество, - грустно констатировал обер-гофмаршал, - у Нессельроде лучшая кухня империи, даже придворные мундкочи (*повара Семьи) не сравнятся с умением кохов Марии Дмитриевны. И даже горящее мороженое у них, поговаривают, готовят особым образом – запекая меренговую корочку при помощи утюга.

- Утюга... – помолчал Константин, - Александр Аггеевич, но разве меня интересуют способы приготовления? Мне нужно приятно удивить женщину – всего лишь.

- Лучшие повара – у Нессельроде, - расстроено признал мужчина, - сложными рецептами ее не удивить. Может стоит исходить из простого? Возможно - шоколад? Его обожают все женщины.

Не только его – пронеслась в мозгу Кости мгновенная ассоциация.

- Тогда сделайте клубнику... с хвостиками и макните ее в шоколад, что ли? Куда уж проще, - предположил он осторожно.

- Куда прикажете доставить сей продукт?

- Заберу сам. К шести часам должно быть готово.

Повара постарались и, открыв за столом нарядную коробку, Мадам Нессельроде восхитилась:

- Удивительно! Замечательная идея для срочного набора – белый, молочный, темный шоколад... и он мягкий?! Здесь жирные сливки, должно быть. А клубника с листиками... это должна быть самая первая свежесть... и один размер. Но здесь есть еще что-то... и настолько мелкой фракции, что шоколад лег гладко. В чем секрет ароматных примесей, Константин Николаевич? – радовалась женщина, - я правильно определила – ваниль и перец в белом сорте? А здесь... неужели мята?

- Не имею понятия – этот десерт пробуете вы первая, он создан для вас. С вашим вкусом и полетом воображения, Мария Дмитриевна, подобрать великое множество идеальных вариантов не станет проблемой. Развлекитесь нам в удовольствие, - не так уж и льстил довольный результатом Великий князь.

Идея со съедобным подарком была не так, чтобы новой. Да и все знали, что Мария Дмитриевна старается именно для мужа. Не просто вкусная, но изысканная еда была семейным увлечением – родственник канцлера Александр Гурьев

также был знаменит своей кашей и не только.

В этот раз высокого гостя угощали фирменным консоме – крепким бульоном из рябчиков с профитролями с начинкой из каштанового пюре и протертого мяса дичи. А также грибным дюксем – мелко порубленными белыми грибами, луком и неведомыми до этого Константину травами. В императорской семье повседневная пища была вкусной, но простой, а уж на корабле... с тонким вкусом и привередливым желудком, как у канцлера, там было бы просто не выжить.

После ужина, который завершился знаменитым каштаново-сливочным «пудингом Нессельроде», запеченным в стеклянных креманках и поданным с медовыми сотами, мужчины перешли в курительную. А, скорее, переговорную – табак не употреблял ни один из них.

- Для вас, Карл Васильевич, у меня также имеется сюрприз. Велите внести, мой человек ожидает в экипаже.

Звякнул колокольчик, канцлер отдал распоряжение и вскоре Константин расстилал на столе карту Крымского полуострова с прилегающими территориями.

- И что значит сие подношение? – удивился хозяин.

- Штабная игра, не так давно получившая популярность. Вскоре о ней узнали бы и вы в том числе, пока же это занятие – прерогатива морских офицеров. Все свободное время кают-компаний отдано ей.

- Любопытно, - оживился канцлер. Офицер в прошлом, он имел представление о штабных играх.

- Подобные карты в книжных лавках Петергофа и Кронштадта все разобраны, что вынудило совершенствовать игру – ныне поверху крепят кальку и чертят уже по ней. Также придуманы наступательные фишки, а еще карточки прикупа. Вначале же использовались только листы бумаги, как при игре в буриме - участники записывают свои действия, скрывая их и загибая для этого лист. Одновременно оглашается действие на карте.

Если противник опротестует манёвр, как невозможный, открываем запись – в ней наши тузы в рукаве. Но каждое записанное действие следует грамотно обосновать, оно должно быть реально исполнимо, иначе маневр не засчитывается. Здесь у меня калька... - зашелестел небольшой рулон в руках Константина, - фишки и карточки не стал брать, мы с вами сыграем по старинке – суть не изменится. Игра называется «Защити Севастополь». Я буду агрессором, вы – защитником. Приступим?

- Ну давайте... попробуем, - усмехнулся канцлер.

- Еще одно, Карл Васильевич - заранее прошу прощения, но это будет эмоционально, потому что спуску я вам не дам. Не держите в себе... помним, что это всего лишь игра и не более того.

Через час где-то мужчины пили «холодную мяту с лимоном», успокаивая взволнованное дыхание. Воспитание и выдержка не изменили - голоса не сорвали и на личности не перешли, но понервничали оба знатно.

В это время, привлеченная громким разговором и уже ознакомившаяся с условиями игры, Мария Дмитриевна сличала записи последнего раунда. И забив, что называется, на игровой момент, сразу задала вопрос по существу:

- Насколько реальна угроза нападения такой коалицией?

- Таковое считаю принципиально невозможным, - отрезал муж.

- Обоснуйте, будьте добры, Карл Васильевич, - предложил Константин, - я уже слышал, но... для Марии Дмитриевны.

- Бритты не так глупы, - не желал канцлер углубляться в детали.

- Так они и поедут на дураках, - задумчиво произнесла дама, - и насколько реально их преимущество над нами?

- Оно существует, - вынужден был признать муж, - но я не вижу причин для такого демарша со стороны Великобритании.

Константин кивнул, соглашаясь:

- Причин... то есть, поводов пока действительно нет, но их всегда можно создать, а вот цели и интересы Великобритании давно и ясно прослеживаются. Кому это знать, как не вам. Я не стану убеждать в реальности угрозы – сам поверил в нее с огромным трудом. И это правильно, ум сопротивляется новому видению ситуации. Здесь следует даже не размышлять, а мыслить по-новому. И признаюсь вам... настоящее беспокойство во мне пробудила не сама игра – отнюдь, а вот такая... бессильная реакция на нее всех без исключе-

ния участников. Я и сейчас чувствую это - внутреннее опустошение. Уверен, что и вы тоже.

Нессельроде тяжело промолчал.

- Я крайне обеспокоен, Карл Васильевич. Более того - просил для себя у императора должность севастопольского губернатора, попутно собираюсь возглавить Черноморскую флотилию. Надеюсь мирно поделить Николаев и Севастополь с Лазаревым Михаилом Петровичем. Каждый из этих городов требует отдельного, особого внимания. Николаевские верфи способны производить паровые корабли не хуже британских – уверен.

Нессельроде отрицательно мотнул головой и, придерживая полы домашнего сюртука, устало присел в кресло. Спокойно заметил:

- Вы даже не представляете всех сложностей такого предприятия и речь не столько о деньгах. Но и с ними будут сложности - у Николая Павловича иные планы на вложение капиталов. С подачи фрейлины Шонуровой, - ухмыльнулся он, - намечается расширение научной базы в изучении физики эфира и общей механики. В ближайшее время Московский и Петербургский университеты станут обрастать испытательными и обучающими лабораториями. Уже идет поиск в других учебных заведениях талантов в естественных и точных науках. А благодаря вашему вмешательству, дорогая Мария Дмитриевна, процесс ускорен настолько, насколько это вообще возможно. Государь не намерен делиться ни с кем –

скорее диктовать.

Услышав имя Таис, Константин широко улыбнулся, будто получив дополнительный заряд энергии – что еще она направила и когда успела, если даже отец?.. Но это терпит, да и внимательный взгляд хозяйки отрезвил. Все потом, а сейчас Нессельроде требовалось если не дожать, то хотя бы поселить в нем сомнение.

- Диктовать мы пока еще можем, но не слишком долго, Карл Васильевич. Лет пять... семь от силы. К этому времени бритты построят достаточно многочисленный флот, чтобы угрожать им России не только на Черном море. Балтика, Японское...

- Вы преувеличиваете, Константин Николаевич.

- Преуменьшаю, к сожалению. Переспите с этим, как сделал в свое время я. Хотя вам и не нужно – подспудно сами понимаете, что *на столько врага*, как Великобритания, у нас больше нет. Мы слишком мешаем им в Азии и Америке, уже повернулись лицом к флоту, вполне способны устроить сухой путь на Аляску...

- Бесполезное занятие!

- Петр так не считал, я с некоторых пор – также. И не только с Петром I... я согласен с Сунь-Дзы в том, что следует полагаться не на вероятность того, что враг не придет, а на нашу готовность встретиться с ним.

- А мы не готовы, - потухшим голосом заключила Мария Дмитриевна.

- Да, мы не готовы. Что касается парового флота... благодарю за разъяснение, Карл Васильевич. Подготовившись теперь внимательнее, я стану говорить с отцом более предметно. Не знаю, выйдет ли убедить его в возможности войны за Крым в будущем, но есть еще одно - еще больше распространившись, игра вызовет резонанс в обществе. У нас страна, где военная структура доминирует над гражданской и обязательно пойдут обсуждения, последуют вопросы... будьте готовы к этому.

- Я стану отрицать агрессивную политику Великобритании в отношении нас. Не следует первыми делать провокации, о которых вы же сами и предупреждаете, Константин Николаевич.

- Предоставим возможность оправдываться самим британцам? - подала голос молчавшая до сих пор женщина, - ты дипломат, Карл Васильевич, так не выходи из этого амплуа, не адвокатствуй за них.

- Как дипломат, я могу стать бессилен. Эта игра... последуют вопросы и на дипломатическом поле.

- Российская империя не обязана жить, постоянно оглядываясь на чужую мнительность и боясь не угодить в мелочах. Не хватало еще отчитываться за характер настольных игр, - с удовольствием повторил Константин слова Таис.

- Истинно! – горячо подхватила мадам Нессельроде, - это ведь просто игра. Выкажем свое недоумение...

- Разговор далеко не окончен, Константин Николаевич, -

устало отмахнулся канцлер, - я пересплю с этими мыслями, как вы и советовали. Но не ждите, что обязательно стану вашим союзником.

- Не настаиваю, дорогой Карл Васильевич. И даже не так склонять вас на свою сторону я прибыл сегодня, как предупредить о том, что придется так или иначе реагировать – реакция военного сословия, а значит верхушки российского общества последует рано или поздно. У нас не любят бриттов за заносчивость, особенно те, кто с ними сталкивался. И следует признать - низменная зависть к ним также имеет место... они лучше нас вооружены и всегда соблюдают исключительно свои интересы. Этого же хотелось бы и для себя тоже, причем с огромной силой. И ведь не только мне...

Провожая гостя, хозяйка вежливо благодарила его за идею десерта, впрочем, скорее это была просто вежливость – и ее голова была забита другими мыслями.

- Все настолько серьезно, Константин Николаевич? – не удержалась она, встав у калитки.

- Мне понадобилось немало времени, чтобы осознать это. Я ведь тоже отказывался верить.

- Но?..

- Последние сомнения рассеялись, когда поучаствовал в офицерских дебатах. Сейчас уверен – угроза существует, но осуществится ли она, зависит от того, насколько уязвимы мы будем в глазах противника.

- Все очень серьезно, - сделала вывод женщина.

- Вы знаете Николая Павловича - он ведь действительно...

- грустно улыбнулся мужчина, вспоминая опять же – слова Таис: - Не переживет поражения, буде оно случится. Впрочем, как и Карл Васильевич. К сожалению, убедить отца будет крайне сложно. Предполагаю набрать себе союзников и со временем аргументировать чем-то более весомым, чем настольная игра.

- Не уверена, что смогу убедить Карла Васильевича.

- Не нужно этого делать. Пускай придет к этому сам. Я же... молитесь обо мне, Мария Дмитриевна, я многим пожертвовал этому делу, - принял он крестное благословение и, поцеловав женщине руку, прищелкнул каблуками, откланиваясь.

Хотелось расспросить о Таис – как она может быть связана с решением отца о расширении университетских исследований? Но высказывать прямой интерес было нельзя.

По дороге домой Константин заскочил в лейб-гвардейские казармы и нашел там Мишу Дубельта.

- Премерзкое зрелище довелось наблюдать на днях, - заметил с улыбкой, отмечая отчаянную ухмылку друга.

- Бывает... - потух тот.

- Дело в женщине?

- Дело в моем несогласии с семейной политикой. Бунтую... Впрочем, делаю это с большим опозданием.

- И чем это может грозить? - сразу проникся к нему сочувствием Константин.

- Чем угодно. Но... осточертело! Я отказался подчиниться.

- В таком случае, предлагаю независимость и новую службу вместе со мной, Миша. Крым – как тебе?

- Род войск? – насторожился тот, - флотские не воспримут меня всерьез.

- Будешь моим представителем в Симферополе, при Пестеле. Сближаться с людьми ты умеешь, как никто. Как никто, бываешь убедителен и замечательно располагаешь к себе. Не согладатаем... будешь представителем и проводником моей политики при таврическом губернаторе. Жду назначения на должность главного командира Черноморской флотилии и портов. Также намереваюсь принять под себя Севастополь.

- Меж вами с Лазаревым последует война, - кивнул сам себе Дубельт.

- Надеюсь, этого не случится. Следуя словам Сергея, цели наши схожи. Не воевать станем, а объединим свои силы – уверен.

- Принимаю ваше предложение, Константин Николаевич. Сердечно благодарен за доверие, - вытянулся Дубельт.

- Именно, Михаил Леонтьевич, - согласно кивнул тот, - субординация отныне обязательна, дабы не компрометировать вас личной протекцией.

Глава 8

Который день уже, а именно – со времени отъезда Таис, Константин пребывал в странном состоянии. Не горестные страдания, слезы или желание скрыться от мира – зачатки неподобающих мужчине и офицеру слабостей он благополучно подавил в себе еще в вечер прощания.

Другое...

Внутри него будто утвердилась взведенная пружина или же отсчитывал драгоценное время особый часовой механизм. Это что-то... трудно объяснимое даже самому себе, держало в постоянном напряжении и подгоняло, требуя немедленных действий и не оставляя времени на лишние переживания.

Ощущение не было неприятным – наоборот. Оно придавало жизни особый, высокий смысл, а еще будто незримо связывало его с Таис. Он чувствовал в этом их общность, родство внутренней сути... да просто рядом с ней себя чув-

ствовал! Так бывает, когда люди не просто делят одно на двоих чувство, но и всецело захвачены одним важным делом.

Они были едины. Пускай мысленно, на отдалении, но связь эта существовала – неразрывность ее он ощущал постоянно, даже когда не думал о Таис, когда был занят другими людьми и посторонними делами.

А поэтому... каждый день его был расписан до мелочей. Сложности, которые открывались постепенно и ранее вызвали бы ступор, теперь воспринимались, как еще одна сложная и интересная задача. Как достойное препятствие, подвигавшее узнать границы своих возможностей и сил.

Сложности с постройкой паровых кораблей, о которых обмолвился Нессельроде? По какой причине они могут случиться... только предполагая препятствия, достаточным знанием предмета Константин не располагал. Одно было понятно – если не так в деньгах сложность, значит в самом строительстве, и она не будет единственной.

Кто бы мог просветить на этот счет? – соображал он между делом... во время поездок в полк и Царское село, потом к капитану I ранга Мофетту, которому предполагал передать «Палладу» и на корабль, за который по-прежнему отвечал...

Мелькнув в мыслях, там четко обосновалась кандидатура Максимилиана Лейхтенбергского – мужа Мэри.

Кроме увлечения живописью и продвижением прогрессивных идей с помощью Академии художеств, президентом которой он являлся, Максимилиан был силен в естественных

науках и увлекался гальванопластикой.

Что-то помнилось в связи с этим и его планами по открытию близ Петербурга завода, который будет производить бронзовые отливки, а со временем и паровые телеги для железной дороги. Константин помнил все это, но до этого времени не особо интересовался техникой суши, что и понятно.

Но паровые машины для будущих российских кораблей также потребуют строительство производства, а значит... кто, если не Максимилиан на этот момент владеет нужным знанием?

Костя сорвался бы к нему с самого утра, как только поймал нужную мысль, но утренние визиты считались дурным тоном. Хозяева должны иметь время привести себя в порядок после сна и подготовиться к приему визитеров. Завтрак не был приличным временем для визитов.

Кроме того, Максимилиан болел.

Совмещая с прочими обязанностями должность главного управляющего институтом корпуса горных инженеров, в прошлом году герцог посетил уральские заводы, осмотрел их и предоставил государю отчет, в котором подробно и основательно высказал свое мнение о ведении дел на местах. Во время этой же поездки он сильно простудился и за прошедший год все еще толком не поправился. Лихорадочная грудная болезнь (*пневмония) не желала отпускать его.

Последнее время он редко выбирался из Сергеевки. Дачная усадьба Лейхтенбергов на той самой великолепной доро-

ге из Петербурга в Петергоф, застроенной дворцами, не так давно стала для него и местом жительства, и местом работы над документами. Когда чувствовал себя чуть лучше, выбирался на мероприятия первостепенной важности, а нет... их посещала Мэри. И никогда не скучала без мужа.

Последнее время, когда Максимилиан не имел уже сил воевать с ней, Мэри стала вести себя в свете совершенно неприлично. Безо всякого стеснения и стыда флиртовала с кавалерами на приемах и балах, отпускала пошлые шуточки и даже ее манера разговора стала грубой и неподобающей. Она вела себя совершенно по-мужски, в том числе курила сигары.

Каждый раз, встречаясь с Максимилианом, Константин прилагал усилие, прогоняя неловкость и даже неоправданный стыд за поведение сестры. Хотя почему неоправданный? Вся семья наблюдала компрометирующее поведение Великой княгини, но никаких мер, чтобы привести ее к порядку не предпринималось. Николай слишком любил эту дочь – свою копию и внешне и по сильному, властному и неприемлемому характеру.

И все-таки Костя старался видаться с мужем Мэри как можно чаще – тот был интересным человеком и собеседником. Неловкость быстро уходила под влиянием умной беседы, герцог был на восемь лет... а иногда казалось – на жизнь старше и их разговоры не просто развлекали молодого мужчину, но и многому учили. Они по-родственному обраща-

лись друг к другу на «ты» и использовали домашние прозвища, много шутили... раньше.

Но сейчас в его умных советах Костя нуждался, как никогда, поэтому безо всяких сомнений, выждав положенное время, собрался и выехал...

Существовала еще одна норма приличия для собирающегося в гости – не передвигаться пешком и верхом. Явиться в пыльной одежде и грязной обуви, еще и пропахнув конским потом – откровенный моветон. Константин привычно взял карету.

И игру.

Дворец в уединенном месте, окруженный огромным парком и с окнами на Финский залив, всегда нравился ему – легкий, с воздушной колоннадой, выстроенный в южном приморском стиле.

Сестра извинилась через прислугу и не вышла, Максимилиан же... гостя с удвоенной силой топила неловкость – кажется, он прибыл совсем невовремя.

То ли перед его приездом имела место семейная ссора, то ли опять ухудшилось здоровье, но хозяин выглядел погруженным в себя, в свои переживания. Однако вопреки своему состоянию и его очевидности, вежливо изображал улыбку. Не был зол или мрачен, но в глазах и всем его облике читалась устойчивая меланхолия.

По этой причине Константин не стал раскладывать карту и рисовать риски войны – хозяину явно было не до всего

этого... не сейчас во всяком случае. Поэтому коротко обрисовав угрозу, как уже реальную, попросил совета в связи со строительством паровых кораблей. Этапы, сложности, первостепенные нужды в связи с этим – его интересовало все.

- Макс, это чрезвычайно важно. Я могу рассказать тебе всё до мелочей о строительстве наилучших парусных кораблей для океанского плавания и рейдерства...

- Твоя «Паллада»?

- Как пример. Но... мне нужны паровые машины для морских кораблей. И металлические корпуса... это же совсем иные требования к верфи! Ты же имеешь бесценный опыт с заводами... в частности Петербургским чугунолитейным. Пускай он и принадлежит «Обществу русских горных заводов», но горная промышленность - твоя парадия. А еще ты - авторитет для отца, так поддержи меня! Не сможешь, не получится у тебя - я досконально изучу и добьюсь всего сам, но это время. А я уже говорил тебе, что у нас всего пять-семь лет.

Разговор происходил в креслах «античного» зала с колоннами. Пространство, казалось, парило вокруг стройных ажурных подпорок, мебель также была уникальна – в стиле чернофигурных античных ваз с красным фоном и черным рисунком на них. Каждый раз Константин любовался этим интерьером... художественный вкус хозяина был безупречен, но сейчас ничто не способно было отвлечь - он был расстроен.

Дело в том, что особых эмоций по поводу риска войны Максимилиан не выказал. Тихо усмехнувшись, предложил прогуляться - время до ужина было. Ну, и поговорить на ходу.

- Вероятно, ты удивлен... но я пересматриваю сейчас свою картину мира, Кости— невольно. Где-то внутри я чувствую, что уже умираю. Не люблю ныть, но...

- Грудные болезни лечат на водах и теплых морях, - заметил гость, - мамасо своей чахоткой посещает Италию и весьма довольна результатами. А ты опустил руки гляжу... Виной тому Мэри? Прости за нее, ее похождения...

- Нет. Да и «похождения» начались с меня, - шел по тропинке Максимилиан, глядя по сторонам. И спокойно, мирно каялся, пугая этим: - Взгляни — какие места... здесь у нас три вида леса. У вас говорят: березовый лес, чтобы веселиться, сосновый - молиться, а еловый, чтобы удавиться... - хохотнул он, тут же закашлявшись. Переждав, продолжил:

- Вот видишь... У Мэри несносный характер, но я не нашел лучше, чем искать уважительного отношения к себе на стороне вместо того, чтобы как-то решить это с ней. Дело не в Мэри — это давно пройдено...

Они медленно прошли по парку мимо небольшой дворцовой церкви и кухонного корпуса, откуда аппетитно пахло едой. Желудок ответил на запахи голодным урчанием. И Костя вспомнил вдруг, что так и не позавтракал — оставил кашу на столе, весь в нетерпении...

А Максимилиан между тем продолжал:

- Любовь была, но в Мэри я быстро разочаровался. Видишь ли... там еще – дома, принимая меня, верхушка правящих домов всегда давала понять, что по положению я гораздо ниже. К примеру, когда всем подавали еду на золотых тарелках, мне ее приносили на серебряной. Когда на приемах гостей усаживали в мягкие кресла, мне приносили табурет. Я относился к подобному философски, считая чужой глупостью, а себя выше мелких обид. А здесь меня приняли, как родного, Кости. Нигде не было теплее для меня, чем в России, чем в вашей семье.

- И только Мэри...

- Да – опять отнеслась ко мне, как к низшему, всячески демонстрируя это и даже настаивая. Я не виню ее - просто она не создана для брака и счастлива в нем не будет ни с кем.

- Послушай меня, Макс... - остановился Костя на мостике, переброшенном через чистую звонкую речку.

- Погоди... это Кристателька, - улыбался Максимилиан, - ты знаешь такую рыбку – мшанку? Она живет только в кристально чистой воде. Так вот – здесь она есть. А еще в здешнем лесу около ста восьмидесяти видов птиц, и не менее тридцати из них я уже умею различать по голосам. Послушай их, Кости, помолчим немного...

Обратно возвращались в молчании, слушая щебет и несмолкающее пение птиц. Действительно – как в раю. Костя потерянно молчал, буквально раздавленный обреченностью,

сквозившей в каждом слове, улыбке, но главное - задушенном кашле Макса.

Подозревал, что сочувствие слов и взглядов только усугубило бы его состояние.

Это было неправильно, наверное, но то ли отчаяние, то ли злость - скорее второе и непонятно на что, но...

- Я предлагаю тебе не тихое умирание в этом раю, Макс, а совместную борьбу. За Россию и твою жизнь в том числе. Крым! Это замечательное место, по погодным условиям сходное с Италией. Соленый воздух, теплое море и красот не менее, чем здесь. Мне нужен ты, Макс, без тебя – никак! - перевел дух Костя и настойчиво продолжил:

- Ты генерал-майор русской службы, шеф гусарского полка Русской императорской армии. Прекрати этот тон – умирающий, он не идет тебе, я не узнаю тебя, Макс! Скоро придет осень, станет холодно, твое улучшение пройдет – все ты верно чувствуешь. А твой кашель сейчас... прошел дождь, было туманно – здесь всегда сырость, наши погоды не для больных грудными болезнями. Там же... вначале выздоровей, потом все остальное – корабли и прочая... Здоровье твое важнее во сто крат! Но уж потом я от тебя не отстану. Но ты только представь себе - еще два месяца лета, два месяца жары, целебная соль в воздухе, но главное - свобода от несносностей Мэри!

Стук копыт и легкое поскрипывание экипажа отвлекли обоих. Отсюда видно было, что карета остановилась у парад-

ного входа. Вскоре из дверей дворца выплыла затянутаая в алые шелка изящная женская фигурка – Мэри.

Мельком взглянув вокруг и на миг задержав взгляд на мужчинах, молча глядящих на нее, она невозмутимо проследовала к карете. Приняв помощь слуги, поднялась в нее, и карета тронулась с места. Проезжая мимо, лица к мужу и брату женщина не повернула.

Глядя ей вслед, Максимилиан коротко выдохнул, опять закашлявшись. Вытерев губы носовым платком, отстраненно заметил:

- Подо что мы станем строить производство, Кости, если у тебя нет планов и чертежей, нет самого движителя?

- Он будет, - развернулся к нему Константин, - в последние дни я сознательно рушу за собой мосты, Макс, хотя отец еще не принял решения по моему назначению. Но я рушу их, потому что пути назад не приемлю.

- И все-таки - где ты возьмешь движители?

- Куплю образец. Попытаюсь во всяком случае... ты знаешь историю строительства «Паллады»? – широко, как мальчишка, улыбался Великий князь, - чертежи *добыл* Великобритании штабс-капитан Корпуса корабельных инженеров Амосов. А Стокке решился на перепроектирование ради применения более прочной и легкой – круглой кормы... Впрочем, это лишнее – я к чему? Моя задача – выйти так или иначе на схемы движителя, твоя – к этому времени выздороветь. Производством будешь занят ты, я – обеспечением его

нужд с начала и до конца. Планирую привлечь корабельные верфи Николаева... но решать, опять же, станешь ты.

- Я мечтал о Лейхтенбергском заводе по производству «сухопутных пароходов», - выказал последнее, минутное сомнение Максимилиан.

- Паровые телеги? Они важны, но не так, как новый флот – поверь мне! Пускай этим продолжает заниматься Александровский завод. Максимилиан... я верно понял – мы вместе отныне? – задержал дыхание Константин.

- Пожалуй, - окончательно решился тот.

- В таком случае... пока что прошу тебя молчать о конечных целях. Для всех ты едешь поправлять здоровье в Крым. Во дворце Ореанды, полагаю, уже возможно жить – испроси согласия у императора. Он любит тебя и не откажет. Встретимся там... думаю – уже вначале осени. Потом мне придется отбыть ненадолго – отец настаивает на посещении Альтенбурга. Постараюсь поездку в Европы сделать максимально полезной для дела... разузнаю о возможности купить у бриттов паровой корабль анонимно - через посредника. Родственников там у нас достаточно. А теперь, Макс... покорми уже меня, наконец! – буквально взмолился Великий князь.

Глава 9

Два дня уже шли дожди, в оконное стекло настойчиво и монотонно барабанило. Вид на долину окутала сероватая дымка, прячущая за собой все красоты пейзажа. С другой стороны дома мок сад и опавшие яблоки под деревьями. Подперев щеку, я сидела и смотрела, как шевелятся под ветром и вздрагивают под ударами капель листья.

Дожди я любила, а если еще и ливень да гром с молнией! Наблюдаешь всю эту силу и даже мощь... грея колени о батарею, в теплой квартире, попивая чай или кофе и чувствуя себя комфортно и безопасно – чудные ощущения.

Здесь было не так. В каменной постройке неведомым образом сразу же образовалась сырость. Неуютная такая, промозглая сырость. Пришлось теплее одеться и просить затопить печи – небольшие, они отапливали собой весь дом по частям. На крыше я насчитала восемь дымоходов, не считая большого кухонного.

В целях экономии затопили всего две из них – для меня и фрау Августы. Третья, кухонная, грела заодно и комнаты прислуги. В доме потеплело и стало чуть посуше, но... если до этого меня одолевала просто тоска, то на второй дождливый день она приняла зеленоватый оттенок...

- Эльза, когда следующий раз должны убирать дом? – поинтересовалась я за завтраком, слушая унылый шум дождя.

- Рано еще, - задумалась она, - дней через пять, что ли, фрау Таис.

- Хорошо... а я могу велеть мужчинам собрать яблок? Им есть чем укрыться, чтобы выйти?

- Да что же тут... выскочить всего-то...

- Нет, яблок нужно много – будем делать пастилу.

- Не ест ее никто у нас, фрау Таис, - вздохнула она.

Понятно, что мужики больше по мясу...

- Я ем – это раз, два – всё съедобное, это валюта своего рода. Всегда можно обменять на что-то еще или презентовать, как вкусный сувенир. Короче... будем делать пастилу, самую простую, без крахмала и белков.

- Я такую только и знаю, - присела женщина на стул, глядя на меня с любопытством: - Чудновы говорите, забавно.

- Иностранка, что с меня взять? – пожалала я плечами.

Безделье убивало. Я задрала бы юбку да взялась убирать, но знала, что этого не поймут, не тот случай.

А пастила продлит для меня яблочный сезон – я уже не представляла себя без яблок. Летние яблоки сладкие, так что

получится она только чуть кисленькой. Можно добавить мед, но и этого не особо хотелось, не говоря уже о сахаре.

В это время сахара-песка еще не было, только кусковой. В буфете у Эльзы хранилась целая сахарная голова, завернутая в синюю вощеную бумагу. Вторая была уже надколота. Завернув в полотенце, ее били молотком, и на стол подавались кусочки, к ним полагались специальные щипцы. Чтобы получить песок, толкли кусковой сахар в ступке, а это серьезная работа.

Два дня потом, даже когда уже закончился дождь, мы сидели всем женским коллективом на сухой теплой кухне. Я с Дашей и Марлен мыли и очищали яблоки от кожицы и серединок, резали на четвертинки и укладывали на противни. Эльза готовила еду и заодно следила, чтобы они испеклись, но не подгорели. Потом печеные яблоки протирали сквозь сито и выкладывали на щедро смазанный растительным маслом противень – в доме нашлось их шесть. Всю ночь потом лакомство томилось в печи, подсыхая. На то, чтобы приготовить шесть противней пастилы, уходили сутки.

Готовка превратилась в женские посиделки, но заглядывали к нам и мужчины – муж Эльзы Эрих и лысый Фалко. В теплом углу, ровно выпрямив спину в кресле, сидела фрау Августа – в жемчугах и седом парике. Каждый день мы с ней знакомились заново, не особо заостряя на этом внимание – так ей было проще.

Оказалось, она знала множество сказок и легенд. Пока мы

работали, женщина выпевала их для нас речитативом. Делала это добросовестно, как на концерте перед публикой – с выражением и нужными интонациями. В том числе поведала ту, о которой слышали все, пожалуй, хоть раз в жизни – легенду о подвиге женщин замка Вейнсберг. Оказалось, это в Вюртемберге.

Замок был осаждён римским императором Конрадом III. Он поклялся предать мечу всех мужчин и сжечь замок, но обещал сохранить жизнь женщинам, разрешив им уйти, взяв с собой только то, что смогут унести на себе.

Через пару часов через ворота крепости потянулась вереница женщин – от совсем юных девушек до почтенных дам. Шли медленно и тяжело – ценная ноша клонила к земле. Но женщины несли не драгоценности и не утварь – каждая из них тащила на спине мужчину. А что? Сами сказали – "что сможете унести".

К чести короля, он не стал препятствовать такой «эвакуации». На вопрос военачальников, нужно ли что-то предпринять, Конрад ответил: – Нет. Королевское слово даётся лишь однажды и не может быть отменено.

Не знаю, насколько это правда... но женщины здесь в основном крепкой кости, высокие и сильные на вид. Речь не об изнеженных аристократках, конечно. Может и было...

Чуть дрожащий старческий голос выводил для нас баллады и не одна была посвящена верным женщинам Вейнсберга. Запомнился один куплет – сочинитель был человек с юмо-

ром:

Где Вейнсберг, где, скажите, он?

Где этот городочек,

В котором столько верных жен

И маленьких их дочек?

Когда придет жениться блажь,

О, девы Вейсберга – я ваш!

Сказки о Снежной деве, каменных горных троллях, стеклянном человечке... Любопытным показалось то, как немцы описывают обеспеченных людей: «жили они в роскоши - вместо обуви танцевали с выдолбленными буханками хлеба на ногах». Для русского человека звучало по меньшей мере странно...

И все-таки для меня Вюртемберг оживал с этими песнями, легендами, сказками... люди, окружающие меня, незаметно и нечаянно становились ближе.

А еще я оценила местную кухню и отъедалась. Просила Эльзу готовить супы, обязательно супы: чечевичный или картофельный с сосисками, гороховый-пюре с фрикадельками, фасолево-бобовый с копченой свиной грудинкой.

- Почему я не поправляюсь, Даша? – удивлялась каждый раз, одеваясь: - Ем, как не в себя, а результата ноль...

- Дитя берет в себя, видно. Ешьте... пока есть что, - хмурилась она. Я поделилась с ней опасениями по поводу голода. Понятно, что коснется он низшего сословия, но...

Через неделю пришли уборщицы – шестеро крепких жен-

щин. К этому времени мы выбрали в саду все годные летние яблоки, а сгнившие тут принято было сгребать под самые стволы деревьев.

В холодный подвал с не растаявшим еще прошлогодним льдом в соломенных матах – на удивление сухой, были опущены упакованные в вощеную бумагу рулетики пастилы с добавлением вишни, моркови, орехов, меда... по ходу дела мы уже изощрались.

Фантазии моей хватило и на уборку. Второй этаж был мужским и туда мы не полезли, но первый я вывернула наизнанку: были сняты все кроватные балдахины, подушки, перины и одеяла. Выбиты и оставлены сушиться на солнце на весь день. Вымыты окна и все углы даже в темных местах коридоров. Я молча стояла над душой у уборщиц и с укором смотрела, как грязь с пола у стен соскребают чем-то вроде шпателя. Запустили...

Несвежее постельное белье со всего дома женщины увезли в телеге, оставив взятое прошлый раз – стиранное и переложенное пахучей полынью. Мне понравилась идея и горьковатый острый запах этой травы. Вымывшись и переодевшись в чистые рубашки, мы с Дашей попили травяного чаю вприкуску с рафинадом и легли спать.

Привычно уже я вглядывалась в темноту за окном. Опять рисовался вопрос – что делать дальше?

Нужно бы прикупить одежды – скоро станет расти живот. Он уже выделался, но не так, чтобы заметно... месяца три?

Едва выпуклый и тверденький. Ребенку тоже нужно было потихоньку готовить приданое – я могла бы шить пеленки, вязать носочки, кофточки и пинетки. Но для всего этого требовалась ткань и нитки, а это деньги.

Их у меня не было, но и это еще не беда. Хуже то, что и документы остались у мужа, а он упорно не появлялся. Вначале я просто ждала, потом беспокоилась – мало ли? Переживала. Потом плюнула... Когда-то же появится хоть один из них? Вот тогда и выскажу все, что думаю.

Я писала письма.

Маменьке понятно... здесь я описывала только красоты и приятности – там и без меня забот хватает. Жаловаться бессмысленно, если человек далеко и помочь не в состоянии.

Анни написала то же самое, но еще интересовалась ее делами. Я так и не поняла ее до конца... То она казалась наивной до предела, то стервозной, то доброй, то сильной, то слабой и нуждающейся во мне. Легко предавала, возможно даже не понимая, что предает – предельно честная или глупая... Но я скучала по ней. Неужели выдали за старика?

Была попытка писать Косте... Нет, я понимала, что письмо не отправлю, но тянуло, хотелось. Я помнила стиль писем этого времени, что-то наподобие *«Душенька, друг мой бесценный, Александра Степановна!»*

«Костя, друг бесценный... ты и не представляешь, что невольно слизнул пылицу невинности с губ старой девы...»

Думать о нас с ним было печально и немного горько, но

если вот так – немного с юмором, то гораздо легче. Он действительно помогает.

Правда ли он полюбил меня и почему? Вопрос...

Когда я еще мечтала о любви, то много думала о природе мужского интереса к той самой, единственной женщине.

Мне казалось, что она должна не просто нравиться внешне, но запускать в мужчине что-то большее: волну сильных, подсознательных чувств. Это могла быть мелочь — мягкий взгляд, случайное слово, манера говорить, движение руки... или необъяснимое стечение обстоятельств. Такие «крючки» невозможно подстроить, они — отражение внутреннего мира, о котором мужчина и сам порой не подозревает.

Когда это происходит, женщина становится для него бесценной. Не из-за внешности или соответствия стандартам, а потому, что в ней он видит свой свет. Рядом с ней оживают трепетные, глубокие эмоции, о которых не говорят вслух — их язык понятен только душе.

Наш это случай или нет... я не знала, но сама видела его именно так - идеал, который никогда не нашла бы в том, нашем времени. И не представляла себе... да и вопрос скорее риторический – можно ли испортить и запачкать этот духовный свет сексом? Личного опыта было ноль, но наблюдения говорили в пользу такой теории...

Раскрепощенность нашего времени претила мне и даже шокировала – старая дева, что делать? Ханжа, святоша, моралистка... Книжки, кошки, одиночество... Было дело, неча-

янно подслушанный разговор Светки с мужем вверг меня в ступор, потому что я точно знала – эти двое любят друг друга.

- И что – не дашь теперь? – недовольно ворчал Саня.

- Дам! Раком, чтобы морду твою не видеть! – рявкнула в ответ моя сестрица.

А оно мне надо... вот такое – заторможенно соображала потом я. Нет, совсем уж о розовых пони, какающих радугой, я не мечтала, но и вот это тоже... Хорошо, хватило ума в свое время остановиться и не лечь под мужика просто ради идеи.

Так что может оно и лучше, что все для нас с Костей закончилось где-то в районе обитания этих пони. И понятно, что сам процесс неизменен в веках, но... лучше уж закончить на такой – высокой ноте.

А дальше... любовь не смертельная болезнь, от нее можно излечиться и даже очень просто – временем.

Но пока что от воспоминаний о нем замирала душа и лишаться их я не хотела, а Костин кортик ночевал у меня под подушкой. С ним было необъяснимо спокойнее, хотя чего здесь бояться? Окна высоко, дверь запирается, и все-таки засыпать, обняв ладонью рукоять острого, как бритва, холодного оружия, уже стало привычной необходимостью...

Как-то я побывала на крейсере «Аврора» - иногда он тоже используется, как выставочная площадка. Тогда здесь была развернута экспозиция, рассказывающая об истории кортика начиная с XVI века, о переменах во внешнем виде и кон-

струкции оружия.

Русский морской кортик всегда был красив и изящен, но парадный, принадлежащий Великому князю Российской империи... он и должен был быть уникален.

В верхней части ножен насажены две бронзовые обоймы с кольцами для крепления к португее, в нижней части для прочности ножен — наконечник. Все металлические части, кроме лезвия (там химическое травление) богато украшены в технике гравировки и чеканки с золочением — вещь сама по себе драгоценна. Для меня — вдвойне...

На десятый день моего пребывания здесь в замок наконец вернулся ger Ludwig. Это был еще не вечер, но уже сумерки. Толстые стены не пропускали звуков и шума приезда мы с Дашей не слышали. Она уже помогала мне раздеться ко сну, когда в дверь пару раз громко грохнули и мужской голос, который я почти успела забыть, рыкнул:

- Frau Thais, жду вас в зале!

И подковы у него на ногах, что ли? Но удаляющиеся шаги гремели металлом. Твою мать...

- Шнуруй обратно, Даш, скорее — что-то случилось. Что-то плохое с Фредериком, - дрожало все внутри от беспокойства. Я молилась про себя, быстро собиралась и молилась — перепуганная и растерянная.

- Фредерик?! Что с ним? — подскочила я к мужчине, жадно пьющему что-то из кружки. Рядом стояла Эльза, прячущая руки под фартуком. На ее лице также было написано

беспокойство.

- Собирайтесь, мы выезжаем немедленно.

- Я задала вопрос! Какого черта... ger Ludwig?! Или вы умеете изъясняться исключительно командами? Где мой муж, что с ним? – несло меня на нервах.

- Да неужели? – смотрел на меня мужчина с издевкой, - тревожитесь? И не напрасно – Фредерик ранен, но нетяжело, не тревожьтесь так. Я не за этим здесь, вас желает видеть король.

- Да срать мне... - пробормотала я по-русски.

- Повторите!

- Да неужели? – возвратила я реплику, - вы понимаете по-русски? Не понаслышке знакомы со Старо-Смоленской дорогой? Нетяжело ранен – странные слова для отца. Вам ли – человеку военному, не знать, что и царапина может стать смертельной? Даша! Собирай свои травы, мы выезжаем, хозяин ранен, - развернулась я к своим покоям.

Зависеть от дурака – днище, а если жизнью зависеть...

- Вначале в Штутгарт! Необходимо иметь при себе парадное платье, – рыкнул опять мужчина.

- Не рычите на меня! – ответила я в том же духе, прикрывая за собой дверь: - И срать мне... идиот... – закипали на глазах бессильные слезы.

- Всё свое собирать? – не понимала Дарья.

- ... на твоего короля. Какое парадное? Ночь на дворе скоро... король идиот – ночью принимать? – шептала я себе под

нос, - бери одну смену одежды и все, что нужно для обработки ран, для раненного. Я соберу себе необходимое сама... скорее, Даша. Он на лоскуты нас сейчас порвет. Провонялся весь потом, лошадью... Как же – нетяжело!

Что нужно от меня их королю я, кажется, знала и... ну вот никакой срочности!

Но так относиться к своему ребенку?!

Глава 10

Проходя к выходу из дома с небольшой сумой в руке, я шлепнула ее на пол рядом с Эльзой, то ли провожающей нас, то ли просто отслеживающей происходящее. Все так же робко пряча руки под передником, она жалась у выхода.

Через распахнутую настежь входную дверь уже привычно пахло влажной свежестью. Приближаясь издалека и все громче барабана по листьям, нарастал шум очередного дождя.

У дома стоял экипаж с двумя свечными фонарями, установленными по обе стороны от сиденья кучера. Сам он, укрывшись накидкой с капюшоном, крепил к задку кареты и укутывал провощенной тканью небольшой сундук с моими и Дашиными вещами. В свете каретных фонарей уже видно было, как падают первые крупные капли, постепенно превращаясь в дождь.

Потерла лоб рукой... что-то я хотела, что-то крутилось...

А! Вспомнила:

- Скажи... прошлый год был таким же дождливым?
- Господь наказывает нас, грешных, - тоскливо перекрестилась она на свой манер.
- И картошка сгнила. То есть – фитофтора ее побила, - пробормотала я, соображая: - А сколько стоит мера картофеля?
- Метц? Один серебряный грош, фрау Таис.
- А какой здесь средний заработок у мужчин... за день, к примеру?
- Так смотря какая работа...
- Хорошо, ладно... Даша! Ты скоро?! – позвала я.
- На фабрике в городе серебрушек десять выходит, - с сомнением вспоминала Эльза.
- Хозяин дает тебе денег на хозяйство? Прикупи круп – сколько станет. Картошка сгниет вся, полагаю. Не закупай на зиму оптом... то есть – много. А каша еда сытная. Даша?!
- Да как же не закупать? Уже на Святого Бартоломея выбирать станут, - растерялась Эльза.
- Считай - выброшенные деньги, все равно сгниет и очень быстро. Бери крупу, голод не спросит, что нравится больше. Зерно тоже, полагаю, сопреет в дожди, если не хуже - спорыньей пойдет... Мукой бы вам еще запастись, Эльза...

В довольно просторной карете молча ждал нас мрачный родственник мужа. Мы с Дашей уселись напротив, и я с благодарностью отметила, что сидим мы по ходу движения – с

недавнего времени карет я откровенно побаивалась.

- Простите мой тон, ger Ludwig, - сочла необходимым извиниться, - он вызван беспокойством. Мы не выбираем – тревожиться или нет, это происходит само собой и контролю не подлежит. В какую часть тела ранен Фредерик? Как это случилось и когда, как давно?

В полумраке кареты, при свете затухающей свечи выражения лица мужчины ясно видно не было, но голос его был недовольным.

- Сабельный удар по предплечью, ничего серьезного полагаю...

- Полагаете? – удивилась я, - но точно не знаете. Когда это случилось, где он сейчас?

- В расположении полка, под присмотром врача. Вам не об этом надлежит беспокоиться.

- Полагаю, вы об аудиенции? Там ничего страшного не случится, мне зададут несколько вопросов, я отвечу на них и это все. А мы сможем проведать Фредерика, это по пути? Подумайте сами – он не явился за мной, оставил на постоялом дворе. Так ли несерьезна его рана?

Дебаты затянулись... довольно вялые. Полагаю, мужчина просто засыпал, а я не давала, продавливая свое решение.

Грубостей себе больше не позволяла, уговаривала мягко, приводила серьезные доводы, привлекая Дашу и расспрашивая ее заодно о методах лечения рубленых ран.

И только сейчас начинала понимать, что все время здесь

занималась откровенной ерундой, а нужно было обставлять-ся изю всех сил – на такой вот или подобный случай.

Сейчас у нас не было стерильного перевязочного материала, только чистая простыня, стиранная непонятно чем и как. Я больше, чем уверена была – инструменты, если они у Даши и имелись, тоже не обработаны, как положено. Мало соображая в медицине, я точно знала, что успешность лечения ран во многом зависит от стерильности перевязочного материала и инструментов.

В темноте мы ехали почти шагом. Фонари, довольно яркие - с зеркальными отражателями свечного пламени, позволяли лошадям и кучеру видеть совсем мало – только куда ступать. Постепенно дождь стихал, легкая качка убаюкивала...

Сереющий рассвет застал нас среди городских улиц, застроенных очень плотно, почти без промежутков. Меня разбудил цокот подков по мощеной булыжником мостовой.

Это и еще ширина улицы, а также парадность прилепленных друг к другу разноцветных фасадов, дала понять, что плевал свекор на мои доводы – мы в Штутгарте. Его приоритеты я то ли не понимала... то ли действительно дела у мужа были не так плохи, как я нарисовала себе с вечера. Утром все казалось не настолько страшным – отец все-таки... Вряд ли должен совсем наплеватьски относиться к собственному чаду, пускай и не особо любимому.

Приводили в порядок меня в одном из домов – с апельси-

нового цвета стенами и темно-шоколадной раскладкой. Тесная лестница, ведущая наверх, привела нас в крохотную комнату где-то 3х4 метра. Узкая постель в углу и столик со стулом составляли всю меблировку.

Две здоровых краснощеких девицы, оттеснив Дашу, взяли меня в оборот. Раздев, обтерли теплыми влажными полотенцами, приторно пахнущими розовым маслом. Отдушка, полагаю...

Сорочка на мне была свежей, так что заминка вышла только с корсетом – я запретила его затягивать. Растянутая шнуровка открывала нижнюю рубашку, но я взяла с собой всё, полагающееся к парадному «русскому» платью. Половину волос мне уложили короной, на нее лег кокошник, фата и нижние пряди надежно прикрывали спину.

Все это заняло от силы полчаса и, привычно уже перекинув через левую руку трен, вскоре я спустилась на первый этаж, где в узкой прихожей, сиротливо притулившись на такой же узкой лавке, дремала Даша.

Стремительно появившийся откуда-то сбоку свекор выглядел плохо. И, скорее, интуиция, наверное...

- Ему стало хуже? – ровно уточнила я. Уже понимала, что на истерические выкрики этот человек реагирует всегда одинаково – с издевкой.

- Опять жар... но часть тела незначительная, врачи обещают выздоровление.

- Даша, жар после ранения... – сразу пришло в голову са-

мое страшное.

- Как бы «антонов огонь» не приключился, барышня, - сонно отозвалась женщина.

Я заторможенно кивнула. Название пришло из Европы и означало конкретное заболевание – гангрену, вызванную отравлением спорыньей, грибом, паразитирующим в зерне.

Последний случай эпидемии случился во Франции в пятидесятые годы прошлого века, считай - в наше время. А болезнь получила своё название от святого Антония, в честь которого еще в средние века было создано учреждение для лечения отравленных спорыньей. Считалось, что излечивают мощи святого, на самом деле люди там голодали – получалась своеобразная бесхлебная диета. В результате многие действительно излечивались.

Но... на Руси антоновым огнем называли любой вид гангрены. Даже в наше время это название еще на слуху.

- Нас уже ждут, frau zu Hohenlohe-Ingelfingen.

Непримиримое выражение мужского лица говорило само за себя. И по фигуре ему, что с сыном что-то не так. Хотя... во мне говорила женская эмоциональность, наверное – не на улице же его бросил, а под присмотром врачей.

И то, что рассвет только занимался, а нас «уже ждали», тоже обязательно имело свое объяснение – старческая бессонница у короля, к примеру.

- Мне бы съесть хоть что-то, - вспомнила я, уже сев в карету: - Может стошнить... опозорюсь.

- Воды ффрау Таис, быстро! – велел мужчина.

- О, нет, благодарю - одной только воды будет недостаточно, - открестилась я. Явно же притащат некипяченую.

- Мы приглашены к завтраку, - дернул звоночек свекор и экипаж тронулся.

- Так рано?

- Король встает к четырем часам поутру.

- Похвально, - пробормотала я, прикрывая глаза и удобно умачивая голову на мягкой спинке. Весь мир подождет...

- Просыпайтесь! Мы на месте, - выдернули меня из сна.

Выйти из кареты помог свекор, придержал меня сонную, когда пошатнулась.

- Добро пожаловать в *Neues Schloss*.

В сером свете очередного, надо полагать, дождливого дня, передо мной возносились ввысь дворцовые стены. Дворец был выстроен в стиле барокко... жадно оглядывалась я. В этом году ему исполнялось ровно сто лет – с момента, когда на месте Старого замка был заложен первый камень новостройки. Его посетили в свое время Наполеон Бонапарт и Александр I. Но, как и принято во всех дворцах, до сих пор здесь все еще что-то улучшали и достраивали.

Став королевой в 1864 году, здесь будет жить Ольга. А до того - ютиться в небольшом неудобном доме, ожидая, когда для них с Карлом достроят виллу Берг.

- Вашу руку...

Мы прошли меж колонн парадного входа в холл и подня-

лись по первому маршу широкой лестницы. Когда она раздвоилась между этажами, повернули налево. На втором этаже остановились в красивом холле с парадными люстрами. Здесь князь предложил мне присесть на банкетку, а сам принялся прохаживаться по мраморному полу, невнимательно скользя взглядом по убранству стен.

Мужчина в возрасте... громоздкое, мощное телосложение и, если хорошенько присмотреться, то вполне приятное лицо - когда не юродствует злобно и не улыбается криво. Скромно одет в аккуратный повседневный мундир – и не скажешь, что какая-то там ветвь королевского рода. Не сильно вхож, похоже, раз заставляют ждать. Или так принято, или мы не идеально вовремя...

- Прошу вас, - распахнув двери, пригласил нас мужчина в придворном мундире. Какой-нибудь мажордом...

Я отпустила трен, расправив его и, пробежавшись пальцами, поправила вуаль. Внушительный мужской мундир и голубой бархат «русского» платья проплывали в многочисленных зеркалах. Каблуки постукивали о мраморный пол, как я ни старалась ступать тихо. Но свекор так вообще гремел, как Каменный гость – и ничего.

Так мы миновали небольшую анфиладу прекрасных маленьких залов. Всегда удивлялась такой планировке, но всю ее прелесть поняла только сейчас, наверное... Когда все помещения анфилады являются *покоюмиодного человека* – приемная, гостиная, кабинет, столовая, спальня... это не на-

рушает приватность и не выносит на всеобщее обозрение личную жизнь. Это все твое, как квартира, просто ее много.

В одном из маленьких залов – столовой с окнами во внутренний парк, был накрыт стол. Довольно длинный, он мог принять человек десять, но сейчас на белой скатерти стояло только шесть приборов. И пара лакеев у довольно большого стола на колесиках и с посудой на нем, накрытой блестящими крышками.

Мы молча ожидали...

Что я знала о короле Вильгельме кроме того, что он презирал своего единственного наследника и нехорошее отношение к нему нечаянно распространил потом и на Ольгу?

Как и все короли, он был человеком честолюбивым и властолюбивым. Но вместе с этим принадлежал к лучшим, сравнительно, государям своего времени, а его страна была из числа наилучше управляемых.

Что еще важно... Вильгельм пытался сопротивляться реакционной политике австрияка Меттернихта и пруссакам. Пытался противопоставить этим двум державам группу средних и малых германских государств. Не получилось... решительные действия первых и несогласия между вторыми планы его подпортили. Отстаивая свою самостоятельность перед Пруссией, сына этому он не научил – Карл легко сдал позиции и вскоре неплохое королевство превратилось в просто земли Баден-Вюртемберг.

А жаль... Объединение Германии не было на руку России.

Я чувствовала, как внутренне мерзну, хотя во дворце было тепло и сухо. Но дрожь эта была нервной, внутренней – часики тикали. Я помнила о Фредерике и словах Даши, стараясь вытеснить посторонними мыслями беспокойство и не дать ему перерасти в панику.

- Долго еще? – не выдержав, обратилась к свекру.

И будто в ответ, тот четко приветствовал кого-то наклонном головы, шагнув вперед и лихо прищелкнув каблуками. Я оглянулась...

К нам подходила группа из четырех мужчин и одного из них я уже знала. Собственно, и ожидая увидеть его здесь и сейчас – того самого «дядюшку» Гогенлоэ-Эринген.

После церемонии представления и глубокого моего приседания с поклоном, нас пригласили к столу. И только сидя уже за ним прямо напротив короля, я как следует рассмотрела его.

Моя теория о внешности аристократии работала – королю было уже за семьдесят и это был еще очень даже представительный мужчина. Спокойная уверенность в выражении лица, походке, в том, как держит голову - военная выправка, мундир опять же... Рыжеват, среднего роста, лицо немного простили усы, но в целом приятная внешность.

Лакеи открыли крышки на блюдах и стали обносить ими всех присутствующих. Я кивнула, увидев горячие картофельные клецки в сметане, фаршированные чем-то перепелиные яйца и истекающие жиром обжаренные маленькие

колбаски.

Ели молча – работал главный принцип «прежде всего еда...»

Я не особо стеснялась, понимая, что когда отложит салфетку хозяин, то же придется сделать и нам. А я проголодалась.

Но момент наступил, и салфетка была отложена. К этому времени я аккуратненько смела все, что было на тарелке, промокнула рот и, сложив руки на коленях, терпеливо ждала вопросов.

Взгляд нечаянно отметил странности сервировки – не вся посуда на столе была из одного сервиза. У двух человек тарелки были с кобальтовой росписью и густой позолотой, у еще двух – просто кобальтовыми, а у нас с папой – белоснежными.

Дифференциация по цвету росписи на посуде, как в «Кин-дза-дза»? Штаны малиновые, голубые, желтые, сиреневые, зеленые.

Ну, в принципе... здесь обычная кастовая система, где социальный статус подчеркивается какими-либо внешними атрибутами. Да и пускай, если людям в радость.

Скорее бы уже...

Глава 11

Завтрак закончился и столовую мы покинули, перейдя в кабинет, судя по обстановке.

Стены здесь были доверху зашиты рельефными дубовыми панелями. Их старинная темнота нивелировалась светлым паркетом, высоким белым потолком с богатой лепниной и обивкой большого дивана и целой армады стульев. Очень непрактичной обивкой – почти белый бархат с едва уловимым зеленоватым оттенком. Замысловато драпированные шторы на высоких узких окнах были такого же цвета. Что еще – с интересом осматривалась я... Огромный светлый письменный стол с отделкой темным деревом под панели, картины с батальными сценами в объемных золоченых рамах, таких ярких на темном...

Красиво в целом и весьма.

Мне широким жестом указали на стул. Вильгельм сел за стол, свита – на сту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.